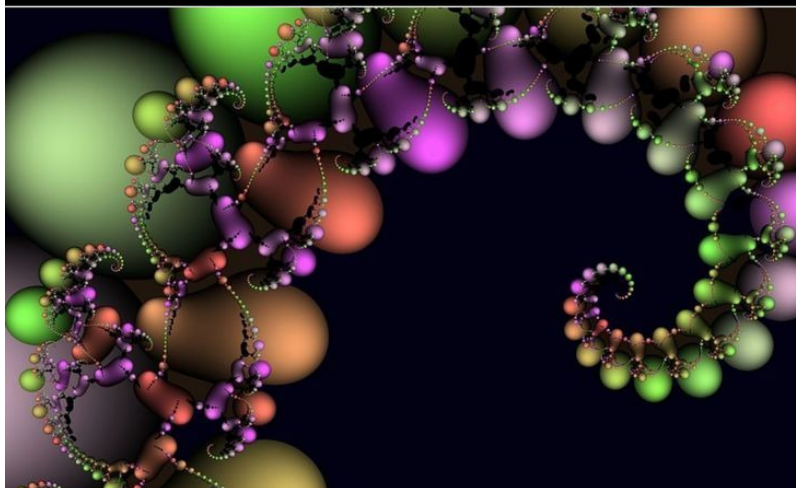

18+ Юрий Кривенцев

Дар превосходства

Второй шанс

Юрий Кривенцев
Дар превосходства.
Второй шанс

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48629867
ISBN 9785005076120*

Аннотация

Человек – царь природы? Да, наши технические достижения поражают, но в биологическом смысле мы остановились в развитии, совершенно не отличаемся от своих пещерных пращуров, увы – ни малейшего прогресса, все те же полуживотные. Но эволюция не стоит на месте, и вот на Земле появляется новая раса суперсуществ, превосходящих человека во всем. Так что же ожидает вид гомо сапиенс: прозябание на задворках истории, может того хуже – вымирание? Или все же у нас есть шанс, второй шанс?

Содержание

ЧАСТЬ I	7
Глава 1. Влипли	7
1	7
2	12
3	15
4	24
5	35
6	38
7	40
8	44
Глава 2. Пленники	49
1	49
2	60
3	63
4	75
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Дар превосходства Второй шанс

Юрий Кривенцев

Корректор Любовь Кривенцева

© Юрий Кривенцев, 2021

ISBN 978-5-0050-7612-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Родителям,
без которых не было бы моей вселенной.
Здоровья Вам, дорогие мои*

В любви и радости зачат
(Где семя – там побег)
В жестоких муках был рожден...
Ты – человек.

Малыш, что в радугу влюблен,
Не знавший слова «грех».
Тень ангела в твоих глазах...

Ты – человек.

Юнец, что замер не дыша,
Увидев первый снег,
Наивный, чистый, озорной...
Ты – человек.

Вот возмужал и мчится к ней,
Не умаляя бег,
В руке – букет, в груди – пожар...
Ты – человек!

Ответственность, забота, труд,
Утрата и успех —
Удел мужчины средних лет...
Ты – человек.

Жизнь позади, он не один,
С любимую вовек.
И только смерть их разлучит...
Ты – человек.

А что потом, когда уйдешь,
Покинув этот брег?
Оставишь память в тех сердцах,
Кого любил, берег.

И вдохновения плоды,
Что вспыхнут и зажгут

Огонь надежды и мечты
В умах, что правды ждут.

Отдай им душу, часть себя,
Оставь свой яркий след,
Тогда промолвят Небеса:
ТЫ ЕСТЬ, ТЫ ЖИВ, ТЫ – СВЕТ!¹

•

Если вы смотрите на жизнь с оптимизмом, это еще не значит, что жизнь с оптимизмом смотрит на вас.

Карлос Кастанеда

Не отчаивайся, если заблудившись в пещере не видишь впереди свет... выход может быть и сбоку.

Розбицкая Наталья

¹ Стихи автора.

ЧАСТЬ I

ПОТЕРЯШКИ

Глава 1. Влипли

*Коль занесла жизнь на черную полосу, не унывай,
преврати ее во взлётную.*

Людмила Щерблюк

1

Тишина, абсолютная, звенящая.

*Ничего вокруг, только кремово-розовая полупрозрачная
взвесь со всех сторон: под ногами, над головой... везде.*

«Кто я?».

Память подводит, не раскрывается... почти.

«Я – человек».

*Он хочет двинуться и... неожиданно встречает мягкое,
но упругое сопротивление. Выходит, окружающая его дрянь
сливочного цвета – не воздух вовсе, нечто иное. Он застрял
в этой обволакивающей неподатливой мерзости, влип, как
муха в мед.*

Что делать?

Человек протягивает руку вперед, хватая пятерней приличный кусок бледно-желтой массы, подносит к лицу, ощущает тонкий аромат ванили, чего-то пряного и... проглатывает одним махом.

«А ничего так, есть можно».

Гелеобразная субстанция вполне съедобна, такой вкус имела бы ряженка, смешанная с соком лесных ягод.

Хохотнув, пленник приступает к трапезе. Руки ни к чему, раскрыв рот, он смело ныряет в аппетитную розовую хлябь, жадно пожирая ее, прогрызая себе ход, подобно земляному червяку, выедающему норку в черноземе.

В него влезает все больше, но аппетит только растет. Тело постепенно меняется, приобретая форму огромной жирной гусеницы с раззявленной беззубой пастью.

Медленно, но неуклонно существо движется вперед.

Еще рывок и – свобода. Голова проваливается в пустоту. Перед ним утыканный звездами бесконечный космос. Справа вдалеке пылает ослепительное желто-белое светило, дюжина разновеликих планет вращается вокруг него.

«Странно, почему я жив? Здесь же вакуум, перепад давлений должен разорвать меня в секунду», – и тут же спасительная мысль-воспоминание. – «Это же сон...».

Вновь приобретя человеческое тело, он не без труда покидает липкий аморфный студень и оглядывается на свое бывшее узилище.

Ничего себе! Минуту назад мужчина находился внутри

огромного подобия игрушечного домика, рыхлого, колышущегося в пространстве. Все на месте: фундамент, стены, крыша, труба, даже рельефные отпечатки окон и двери.

Следуя внутреннему импульсу, он отталкивается ногами от сладкого массива, летит в неприветливое пространство, зависая в невесомости, медленно огибая угол съедобного «жилища» и... роняет челюсть от изумления: в паре километров от наблюдателя, оседлав изрытый кратерами здоровенный астероид, нагло щерится непомерных размеров обезьяна в легкомысленной сиреневой юбочке.

«Девочка на шаре, мать твою...».

Исполинский бабуин отламывает приличный кусок небесного тела, на котором сидит, отправляет его себе в пасть, хрумкает, словно сухим крекером, пуская слюни, вдруг кричится, выплевывает тучу каменистых осколков и заключает громогласно:

– Тьфу! Горько.

«Офигеть! Оно разговаривает».

Словно услышав его мысли, чудище обращает желтые гляделки к незнакомцу и злорадно ухмыляется:

– Вылупился, красавчик. Тебя кто звал? – и после секундной паузы. – Зря ты покинул свое убежище, дурень. Там тепло, безопасно, сытно... не жизнь – мечта. Остальным нравится, а ты... иш выискался, любопыт. Все, теперь крышка герою.

– Тебя не спросил, советчик. Ты вообще кто такой?

– Я... гы... твоё внутреннее Эго, животная натура.

– Такая огромная?

– Ха! Бывают и большие, намного. Все люди разные, – обезьяна вдруг отвернулась, демонстрируя отвратительный багровый зад, ловко поймала пролетающую мимо комету и опасливо откусила кусочек. – То, что надо... вкуснятина.

Мужчина отвел взгляд, уставившись на бледнеющий вдали рукав Млечного пути:

– Не сон, а бред какой-то. Что я тут делаю?

– Смотришь в себя.

– Что за вздор?! Хочешь сказать, всё это, – он обвел взглядом космическую бездну, – внутри меня?

– Не-а, – собеседник гоготнул. – Я пошутил. В действительности тебя вообще нет.

Мужчина хитро прищурился:

– Вот ты и попался, шутник... Поскольку ты – часть меня (сам так сказал), значит тебя тоже нет, умник. Простая логика. Получается, сейчас одно недействительное ведёт беседу с другим недействительным. Чистейший абсурд.

– Но так и есть.

– Полная чушь! Как там у Декарта: «Я мыслю, следовательно, существую».

– Жалкий довод, необидительный... самообман. Мыслишь не ты, а само великое бытие, прикидываясь при этом тобой, тем, кого нет в принципе, – монстр глумливо заржал и вдруг громко пукнул, подняв тучи невесомой пыли на асте-

роиде. – Вот умора – ничто, пустота обманывает себя, веря в то, что она реальна.

– Ты издеваешься, краснозадая образина? Я вижу, этот мир, чувствую его, значит я...

– Конечно. Но это доказывает только то, что мир действителен, не более того.

– Значит, Вселенная все-таки существует?

– Да, но вовсе не в том виде, что ощущается тобой (тем, кого нет), она лишь иллюзия, майя², создающая ложное чувство защищенности, зыбкая оболочка материального, отделяющая нас от ужасающего, вечно голодного Запределья.

– Что за дичь?

Примат хохотнул:

– А может вообще ничего нет, ни-че-го, а все бесконечное Мироздание – лишь видимость, результат сновидения дремлющего божества³? Фикция... И кто знает, что случится, когда Он проснется... Возможно, все исчезнет... ну или станет принципиально иным. Вот тогда нам точно амбец. Гы!

«Вот демагог мохнатый...» – он вдруг обозлился:

– Да кого я слушаю?! Мне плевать, что ты тут напридумывал себе о грезах высших сил, но в данном случае, все вокруг, и ты, в том числе – продукт моего сна, не более то-

² **Майя** (санскр., букв. «иллюзия», «видимость») – в индийской религиозно-философской традиции особая сила, которая одновременно скрывает истинную природу мира и обеспечивает многообразие его проявлений (прим. автора).

³ Эта мысль заимствована автором из индуистского эпоса (прим. автора).

го. Я здесь хозяин, так что умолкни, философ.

– Ха! Хозяин выискался... Букашка ты, точнее – тень от букашки, – животное заговорщически понизило голос. – А ты уверен, приятель, что это просто обычный сон? Может быть нечто большее?

– Ты о...

Зверюга вдруг резко рванулась вперед, протянула когтистую лапу, схватив человека, и поднесла его к распахнутой пасти. Намерения твари были более чем очевидны. Полностью обездвиженный собеседник, неожиданно превратившийся в добычу, вынужден был лишь бессильно наблюдать за происходящим. Отвратительный разверстый зев уже нависает над ним, обдавая смердящим дыханием, со склизкого языка капает вязкая мутная слюна, ряды гнилых грязно-желтых зубов готовы сокрушить жертву, вот-вот сомкнутся.

– Не-ет!!! – кричит он и просыпается.

2

«Приснится же...», – Борис никак не мог унять расшалившееся тело: сердце отчаянно стучится в грудину, словно просится наружу, во рту сухо, кожа истекает липким потом...

Лихорадочно шаря взглядом по комнате, он стремительно возвращался в реальность.

Защитные механизмы психики работали безотказно: ми-

нута, и кошмар начисто стерся из памяти. Был – и нет его.

Глубоко вздохнув, он грязно выругался и встал с кровати.

Завтракать не хотелось совершенно.

Оглянувшись на расхристанную постель, увидел торчащую из-под вороха одеяла женскую ступню. Жена... ей вчера тоже было весело, перебрала, однозначно.

Что сегодня ждет бедняжку?

На прикроватной тумбочке стоял стакан, литровый кувшин с прозрачной жидкостью, пустой пакет от «Регидрона» и поблескивающая фольгой, начатая пластинка «Цитрамона».

«Вот умница Кристи, заранее приготовила», – вылушив из блистера две таблетки, Борис отправил их в рот и, игнорируя стакан в виде посредника, жадно присосался прямо к емкости с антипохмельным раствором, опорожнив ее на две трети, не меньше.

Сунув ноги в стоптанные тапочки, он пошлепал в ванную.

Мужчина вынул зубную щетку изо рта и сплюнул содержимое в раковину. В белой пенистой массе просматривались многочисленные красноватые прожилки. Кровь, опять. Надо витамины пропить, что ли, должно помочь.

Он взглянул в заляпанное зеркало. Оттуда на него смотрел худощавый человек лет тридцати с небритым подбородком и заметными мешками под глазами. Последствия минувшей пьянки.

Да, вчера было весело: кафе, друзья-коллеги, Кристина... Вот бы остановиться вовремя... так нет, накидался, как неопытный юнец. Сколько раз жизнь намекала ему, что за удовольствия надо платить, это непреложный закон. И вот она, расплата: голова, как чугунная, в висках пульсирует тупая боль, руки трясутся, все тело, словно ватное.

Ничего, скоро волшебная смесь многократно испытанных утренних средств подействует.

Вновь бросил взгляд на зеркальную поверхность. – «Побриться бы... а, плевать, все равно за маской не видно». Даже такое незатейливое привычное занятие вызывало внутренний протест. Измученное похмельем тело желало покоя, тупого отдохновения.

Он тоскливо взглянул на старенький уютный диванчик. Так хотелось отдаться в объятия этого ласкового спутника жизни, да куда там – понедельник, через час доктор Борис Алексеевич Саюкин должен быть в клинике. Шеф не прощает опозданий на пятиминутку.

Завтракать не хотелось совершенно, но раздраженный алкоголем желудок рождал импульсы тошноты. Достав из холодильника пакет молока, мужчина сделал несколько добрых глотков, шагнул к окну, раздвинул плотные шторы и... не узнал города (на мгновение даже показалось, что он, вместе с домом перенесся в иной незнакомый мир).

Утро было не по-сентябрьски мрачным. Самое начало осени, «бархатный сезон», а тут... Все небо, от края до края

заволочено таким плотным слоем густых сизых облаков, что даже солнца не видно. Низкая (кажется, протяни руку – достанешь) тяжелая хмарь смотрелась какой-то инородной, совершенно чуждой, неуместной. Серые кварталы города утопали, терялись в неподвижной белесой мгле. Что это – туман, или облачное марево, опустившееся до самой грешной земли? Тишина... и полнейшая пугающая неподвижность кругом, деревья застыли, словно на фото, все живое попряталось куда-то.

Вид за стеклом ощутимо давил на психику, рождая пугающее чувство иррациональной тревоги, предчувствия чего-то нехорошего, неотвратимого, рокового...

«Вот с таких вещей и начинается депрессия у нервных впечатлительных людей», – доктор чертыхнулся и, превозмогая вялость, решительно направился к гардеробу.

3

Городское табло показывало комфортные +18 по Цельсию, но вездесущая атмосферная влага, словно живая, липла к коже шеи, лица, кистей рук, проникала за шиворот, обшлага рукавов, высасывая тепло из тела, вызывая мелкую неконтролируемую дрожь.

«Как в ноябре, ей-богу...».

Пожалев, что не прихватил с собой шарфик, Борис поднял воротник демисезонного плаща, зябко обхватил тело руками

и стал нетерпеливо переминаться с ноги на ногу в ожидании маршрутного такси.

Народу на остановке было немного: рыжий тинейджер с тугим рюкзачком за плечами, широкоплечий блондинистый парень, молча гипнотизирующий влажный асфальт, упитанная женщина лет пятидесяти, крашеная в кислотно-синий цвет, тощий, весь какой-то изломанный угловатый юноша, прячущий немытые черно-смоляные патлы под капюшоном легкой толстовки, жилистый седоватый мужчина с идеальной выправкой и жестким взглядом голубых глаз (наверняка военный, судя по возрасту – отставник), нарочито стоящая в сторонке миловидная зеленоглазая девушка лет двадцати с роскошными волосами песочного цвета и колющим взглядом одинокого волчонка.

Чужие люди, отгороженные друг от друга незримой стеной отчуждения, закуклившиеся в своих скорлупках личного пространства, ни словечка друг другу, ни улыбки... Москвичи – самые одинокие существа во Вселенной.

Пробегавшая мимо продрогшая дворняга вдруг притормозила и бросила робкий просительный взгляд на полную даму. Та испуганно шикнула и тихо топнула ногой. Пес отпрянул. По всему видно, что такая реакция двуногих привычна бедолаге. Впалые бока, свалывшаяся шерсть, потухший взгляд, заживающая рваная рана на правом боку...

Доктор опешил: «Бездомное животное в Москве... Однако...». Повинуясь спонтанному импульсу, он достал из кожа-

ной сумки приличных размеров бутерброд (несостоявшийся завтрак врача) и протянул его хвостатой бродяге. Животное опасно приблизилось и взглянуло на человека.

– Ну... бери же...

Секундная пауза...

Кобель издал тихий скулящий звук, схватил лакомство и тут же растворился в тумане.

Через минуту прибыла долгожданная маршрутка. Озябшие люди торопливо рванули внутрь. Пропустив всех, Борис влез последним и опустился на одно из боковых сидений.

Приятный сюрприз – отопление в салоне включено. Блаженное тепло стремительно разливается по телу...

Автоматическая дверь закрывается, авто готово стартовать... и тут торопливый стук снаружи. Водитель негодуяюще хрюкнул и снова отворил проход, пропуская в пассажирское отделение пожилого мужчину в старомодной фетровой шляпе.

– Большое спасибо! – новоприбывший церемонно снял головной убор, обнажая обширную сверкающую плешь, его умные блекло-серые глаза обратились к присутствующим. – Доброго утречка, господа.

Тупое холодное молчание в ответ.

Монотонная езда по городу расслабляла, убаюкивала. Не видно ни зги, словно туман сожрал весь город. С нарастающим чувством внутреннего дискомфорта, Саюкин смот-

рел в слепые окна автомобиля, плотно залепленные густой молочной мглой, видимость – метр, не больше (Интересно, как водила умудряется вести транспорт в таких условиях? А, ну да – противотуманки, плюс фары ближнего света).

Непроглядная муть за стеклами рождала дискомфортное чувство изолированности от внешнего мира. Только крохотное транспортное средство с кучкой пассажиров и враждебная стихия вокруг, как глубоководное судно в бездонных просторах океана.

Мужчина вдруг вздрогнул, сраженный острой пугающей мыслью: а что, если действительно все исчезло, и они одни вне пространства, вне времени, одинокие, бесприютные, обреченные... Так отчетливо представилось...

«Уф-ф, да что это я?» – усилием воли он стряхнул липкий жутковатый морок. – «Бред! Нервишки надо подлечить».

Качнуло, такси притормозило, распахивая дверь. Внутри вошли еще двое: молодая невзрачная женщина с рыже-каштановыми волосами, стриженными под каре и болезненно бледная девочка лет тринадцати с огромными глазищами ярко-сапфирового цвета, сжимавшая в руках замызганного плюшевого зайчишку. Шатенка усадила юную пассажирку рядом с собой, что-то шепча ей на ушко, заботливо глядя ладонью по узкой спине ребенка.

Транспорт вновь тронулся.

Чем больше Борис смотрел на новеньких, тем более странным казалось их поведение. Почему женщина (судя

по всему – мать) так опекает дочь? Словно та – не зрелый подросток, а трехлетняя малышка. Да и игрушка совсем не по возрасту.

С девочкой явно было что-то не так: абсолютное отсутствие реакций на ласки матери, отрешенный невидящий взгляд, направленный в одну точку пространства, непрерывное легкое раскачивание тела вперед-назад, правая рука без остановки теревит ухо мехового зверька.

«Точь-в-точь наша Зойка».

Да что сестра... хоть он и не психиатр, но много раз видел подобное у других: полная отстраненность, навязчивые движения и характерный «пустой» взгляд – типичные признаки – аутизма⁴.

Похоже, отопление в транспорте работало на полную. Через пять минут в салоне стало жарко, даже душно. Зеленоглазая красотка, сидящая напротив, остервенело сорвала с себя курточку и, тяжело вздохнув, с трудом отодвинула створку оконного стекла. В образовавшееся отверстие тут же повалили неестественно плотные клубы омерзительного тумана, оставляющие легкий запах чего-то прелого, разлагающегося, дышащие некой жуткой угрозой. Казалось, сам первозданный хаос вползает внутрь, густой, живой, смертонос-

⁴ **Аутизм** – расстройство, характеризующееся выраженным дефицитом социального взаимодействия и общения, а также ограниченными интересами и повторяющимися действиями (прим. автора).

ный...

«Что за дрянь? Это... такого не бывает», – Борис содрогнулся. – «Может это сон, кошмар?».

Кто-то рядом сдавленно всхлипнул. Девушка испуганно пискнула и тут же захлопнула окошко. Белесое облачко внутри, вместо того, чтобы раствориться, стремительно сгущалось, тяжелело, опускаясь на прорезиненную поверхность пола. Его очертания становились более четкими, осязаемыми... Еще пара секунд, и бесформенная дрянь превращается в омерзительную слизистую конструкцию, внешне напоминающую кусок зеленоватых пчелиных сот, сочащихся густой соплеобразной слизью.

В полнейшей тишине это образование вздрогнуло и медленно поползло в направлении ботинка светловолосой красотки. Девушка приподняла ноги и вжалась всем телом в спинку сиденья. Молчит, трясется, глаза, как у смертельно раненого олененка.

– Шоб тебя! – кованый каблук пожилого отставника с силой опустился на склизкую ожившую дрянь, сокрушая ее, превращая в месиво. Еще десяток секунд, и останки жутковатой сущности бесследно истаяли, оставив еле различимый запах аммиака.

Ни звука. Борис посмотрел по сторонам. Большинство смертельно напуганы, в глазах плещется животный ужас, готовый в любую секунду прорваться наружу.

Накаляющуюся атмосферу коллективной истерии разря-

дил глуховатый басок седоватого мужчины, обращенный к водителю:

– Слышь, командир, вырубил бы ты печку. Дышать невозможно, как в Африке.

– Добро.

Через пару минут стало полегче.

Микроавтобус вдруг притормозил. В полной тишине был слышен лишь мерный рокот работающего вхолостую мотора.

Время идет, ничего не меняется.

«Что это? Светофор?» – Борис был в недоумении. – «Вряд ли. Слишком долго стоим».

– Что случилось, уважаемый? – подала голос мама больной девочки. – Мы опаздываем.

– Ничем не могу помочь, дамочка. Пробка.

– А если...

– Объезда тут нет.

– Надолго?

– Полчаса. Может больше...

– Отворите дверь, – не выдержал школьник с рюкзачком, и прошмыгнул в открывшуюся на секунду створку.

Саюкин одобрительно хмыкнул: «Смелый мальчишка. Как решился после увиденного?».

Остальные остались на местах. Оно и понятно: лучше убить тридцать минут в заторе, чем ступить в мутную зловещую неизвестность. Да если даже и ничего не грозит, кому захочется продираться пешком на ощупь через половину

города?

Тишина, абсолютная, ватная, мертвящая. Даже мотор авто заглох, перестал работать. Непрекращающиеся звуки города снаружи вдруг сгнули, растворились в небытии. Казалось, мир вокруг просто исчез, во всей Вселенной остался только их маленький транспорт с небольшой кучкой незнакомых людей.

Жутковато.

– М-да, – лысый старичок, сидевший слева от врача, растянул губы в вымученной улыбке, – подождем, не смертельно. Терпение – главная добродетель.

Остальные снова проигнорировали слова общительного соседа. Синеволосая женщина демонстративно отвернулась, мускулистый качок откинулся на спинку сиденья и попытался заснуть (надо же, ну и нервы у парня), девица вставила в уши палочки наушников и закрыла глаза, тощий парнишка извлек из-за пазухи книгу и погрузился в чтение.

Борис бросил взгляд на обложку пухлого фолианта: «Так говорил Заратустра», Фридрих Ницше.

«Ого! А мальчик-то не прост. Мечты о сверхчеловеке, право силы... Индивидуалист».

Он взглянул на заскучавшего обладателя шляпы и, почувствовав перед ним неловкость за остальных, вдруг выдал:

– А вы тоже спешите?

Старик тепло улыбнулся:

– Увы, молодой человек, все мы вечно куда-то спешим,

думаем только о будущем, не замечаем настоящего. И это делает нас такими отстраненными, черствыми, – он кивнул на остальных, – заикленными на своих проблемах. Напрасные старания. Время не обгонишь, не обманешь. Пройдут года, и когда-нибудь вы поймете, что наш главный враг – не время, а отчуждение. Человек в мегаполисе более одинок, чем в сибирской тайге, или в пустыне. Это противоестественно, мы должны жить не для себя – только ради других.

– С этим не поспоришь, – собеседник протянул руку. – Борис, врач-невролог.

– Аркадий Константинович, – словоохотливый мужчина ответил крепким рукопожатием, – доктор биологических наук, профессор, преподаю в университете.

– Профессор в маршрутке. Надо же...

– Как и врач. Что вас удивляет? Согласитесь, в нашей стране слово «интеллигент» никогда не ассоциировалось со словом «зажиточный». Ладно, это пустяки, меня беспокоит другое, – пожилой человек приблизил губы к уху собеседника и понизил голос до шепота. – Оглянитесь вокруг, служитель Асклепия, вам не кажется, что происходит что-то странное, необъяснимое, даже пугающее. Я, например, убежден в этом. Не знаю, может зря нагнетаю, возможно, это просто расшалившиеся нервы глупого старика, но предчувствую нечто... нехорошее.

Доктор тихо кашлянул и отвел взгляд. Поразительно, биолог попал в точку, Саюкин испытывал те же тревожные чув-

ства. Спустя пару секунд он выдавил чуть слышно:

– Осторожнее со словами, без обид. Вы, хоть и профессор, но теоретик, извините, а я... насмотрелся всякого, знаю, на что способен отчаявшийся человек. Самое страшное, что может случиться в подобной ситуации – паника. Уж не знаю, что нас ждет, но давайте улыбаться и пытаться контролировать ситуацию.

– Точно сказал, – выдохнул сидевший справа седоватый мужчина. – Если что, я помогу... как офицер.

Надо же, ну и слух у служаки.

4

Время идет, с каждой минутой внутреннее напряжение в группе пассажиров нарастает. Наконец, сидящая спиной к кабине таксиста мама больной девочки не выдерживает:

– Извините, мужчина, сколько можно? Мы за тридцать минут не сдвинулись ни на метр, – она оборачивает лицо в сторону водителя и... издает срывающийся нечленораздельный звук, цепенеет, как изваяние: рот открыт, кожа стремительно бледнеет, в глазах смесь растерянности, непонимания и нарастающего ужаса.

– Что там? – Борис и еще пара попутчиков метнулись к окошку, отделяющему салон от места шофера. – Мать твою!!!

Все пространство водительской кабины, до самого потол-

ка, было заполнено пористой бледно-зеленой аморфной массой, напоминающей монтажную пену. Куда подевался пилот их маршрутки? Хотелось верить, что бедняга успел сбежать, а не замурован внутри этой пакости.

Шок.

На осознание полной бредовости ситуации ушло примерно двадцать секунд растерянного безмолвия. Затем – тихий всхлип дородной женщины, осенившей себя крестным знаменем, хриплый матерок юной красотки и... неожиданно высокий срывающийся крик здорового блондина с испуганными глазами маленького ребенка:

– Да что же это такое?! Что за глупые шутки?! Хочу домой. Прекратите! Выпустите меня!!!

Здоровяк рванул к выходу, заколотил кулаками в дверь, и тут же получил пару жестких отрезвляющих пощечин от военного:

– Угомонись, парень. Еще сумятицы нам тут не хватало. Ты мужик, или как? Присядь, женщин пугаешь.

Удивительно, но атлет послушался.

– Ну что, товарищи, – продолжил седовласый, – есть предложение покинуть транспорт, – он метнул острый взгляд на притихшего, как-то сдвнувшегося молодого человека. – Дельная идея, я не против. Не сидеть же нам здесь вечность, без водителя, без провианта. Короче, решать вам. Но для начала я обязан обратить внимание присутствующих: ситуация явно нестандартная, я бы сказал – невозможная. Это

понятно даже ребенку. Сейчас никто не скажет, что ждет нас снаружи. Вполне вероятно – ничего опасного. Узнаем, когда выйдем. Уверен, многим из вас страшно. Это нормально, страх помогает, мобилизует силы. Помните, наш союзник – сплоченность, мы должны быть вместе. И главное: держите себя в руках, – он снова взглянул на качка. – Я не допущу паники.

В полном молчании офицер перевел дух:

– Успокоились? Ну и хорошо. А теперь, прежде чем выйдем, предлагаю познакомиться. Я – Семен Петрович Грасс, полковник в отставке, воздушно-десантные войска.

Первым откликнулся ученый:

– Аркадий Константинович Мельков, профессор.

– Борис Саюкин, врач.

Упитанная дама хрипло прокашлялась и выдохнула:

– Таисия Ивановна, библиотекарь. Можно просто – Тая.

– Ольга Гиппиус, – неожиданно звонко выдала родительница девочки, – сотрудник паспортного стола. А это, – она тепло взглянула на подопечную, – моя дочь, Ксюшенька. Она... как бы это... не совсем здорова...

– Что ж, – полковник отвел глаза, – бывает. Тут, главное, руки не опускать, верить в лучшее. Кто еще?

Плечистый парень до хруста сжал кисти рук и буркнул:

– Антон Васькин, студент филологического, четвертый курс.

– Гуманитарий с такой комплекцией? Надо же...

– Работаю с телом, – молодой человек слегка взбодрился, – заодно веду секцию бодибилдинга, подрабатываю. На стипендию особо не разгуляешься, сами знаете.

– Похвально, – Семен Петрович вопросительно взглянул на худенького потупившегося подростка, так и не скинувшего капюшон. – Ну а вы, юноша, кем будете?

Паренек поднял удивительно красивые миндалевидные темно-карие глаза на мужчину и отложил книгу в сторону. Беззлобно вздохнув, он поднес ладони к плотно сжатым губам и... начал изображать характерные жесты руками.

Танец пальцев не прекращался, пока седовласый офицер не крикнул в смущении:

– Не старайся, бедняга. Сдается, здесь тебя никто не поймет. Глухонемой, значит...

Отрицательный кивок головой.

– Что? Не глухонемой? Выходит, ты нас слышишь, но говорить не можешь? Верно?

Положительный кивок.

– Ясно, – военный улыбнулся. – Уже лучше. Как же нам звать-то тебя, дружище?

Юнец с готовностью достал из кармана брюк паспорт и протянул его собеседнику.

– Тэ-эк. Зотов Павел Михайлович. Паша, значит. Уже лучше. Ого, двадцать два года от роду. А по виду не скажешь. Держи свой документ. Надо же, всего девять человек и из них двое гм... нездоровы... многовато... – бывший де-

сантник обратился к последней незнакомке. – Ну а тебя как величать, красавица?

Девушка тряхнула длинными прямыми волосами соломенного цвета, – сверкнула изумрудными глазищами и с неохотой буркнула:

– Елизавета.

– Только имя, и все?

– Этого достаточно, – девица демонстративно отвернулась, уставившись в затянутое мглой окно.

– А розочка-то с шипами, – крикнул Грасс и звучно хлопнул ладонями по коленям. – Что ж, познакомились. Теперь мы – команда. А команда способна выжить там, где одиночки обречены. Поверьте моему опыту. Ну что, товарищи, выходим? Возражений нет?

– Н-нет, – просипела Таисия.

Семен Петрович тепло улыбнулся:

– Ладно, хватит трепаться. Пора на выход.

– Да вы что?! – выкрикнула Гиппиус, ее голос звенел, пересыщенный нотками паники. – Эта... белая пелена за окном... Забыли, в какую дрянь она превратилась? Опомнитесь, люди! Там опасность, смерть или... того хуже. Не пойду, хоть убейте.

Десантник поймал мятущийся взгляд перепуганной мамыши, понизил голос до доверительного, успокаивающего:

– Тебя можно понять, Оленька, сейчас ты думаешь не только о себе, прежде всего – о ребенке. Но представь: что

будет, если мы останемся тут? Ни еды, ни воды... а в туалет под себя ходить будешь? В этой коробке мы точно погибнем в зловонии собственных нечистот (правда не знаю, что убьет нас раньше: жажда или дефицит воздуха). Согласись – тут ловить нечего. А там, снаружи... есть шанс. Даже если там опасно, мы будем бороться, а в борьбе человек на многое способен, уж я-то знаю, поверь. Вот такой расклад, милая: или ждать смерть, опустив ручки, или попытаться выжить. Сейчас тебя обуял страх, попробуй справиться с ним, отогнать и рассуди трезво. Мы тебя не торопим.

Минутная пауза и... неожиданно красивая улыбка Ольги. Ее голос уже не дрожит:

– Хорошо. Вы только не бросайте нас, мужчины.

– Слово офицера.

Похоже, подействовало. Судя по всему, служивый был к тому же неплохим психологом. Оглянувшись по сторонам, он рыкнул:

– Ну что, вперед!

– Легко сказать, – ухмыльнулся профессор. – Дверь-автомат. Ни ручки, ни чего подобного. Открывается нажатием кнопки водителя, а там... сами видите, не подберешься.

– Это не проблема, уважаемый, – оживился Саюкин. – Не мы первые. На такие случаи в транспорте предусмотрен аварийный выход. Вот он, сзади, две створки с окошками. А уж как их открыть – инструкция рядом, на оконном стекле, читайте.

После всех проведенных манипуляций запор, хоть и не без труда, но был освобожден, но упрямые дверцы почему-то не желали отворяться. Что-то мешало снаружи.

Синеволосяя истерично пискнула:

– Мы все тут умрем, задохнемся...

– Спокойствие, – рявкнул служака. Кажется, я знаю, в чем тут загвоздка: та же дрянь, что заполнила кабину водителя, коркой покрыла весь автомобиль снаружи, вот и не пускает, сволочь. Долбануть надо, да посильнее. Кто тут у нас самый здоровый? – он оглянулся на спортсменов. – Ну-ка Антоша, похоже, для тебя нашлось дельце. Посмотрим, на что ты способен.

Студент шагнул поближе, схватился ручищами за спинки жалобно скрипнувших кресел и, оттолкнувшись всем телом, направил сокрушительный удар обеих ног на преграду.

Раздался бьющий по ушам скрежет, напоминающий трение наждака по стеклу, и препятствие рухнуло.

Свобода...

Непроглядная белесая пелена царит повсюду, доминирует, прячет город, мир...

Страшно...

Люди замерли, не решаясь вступать в царство седой хмари, способной рождать омерзительных полуживых тварей и Бог знает чего еще...

Пять мучительно долгих секунд глубокой растерянности и... неожиданно мгла услужливо подается назад, будто жи-

вая, освобождая небольшой пяточок пространства у выхода, словно приглашая бывших пленников ступить наружу.

– Ну, – голос полковника звучал ободряюще, – ежели есть опасения, тогда я пойду пер...

– Нет уж! – ошалевший от собственной смелости здоровяк блондин, казалось, хотел сгладить впечатление от своей слабости, проявленной пятью минутами ранее. – Я открыл, мне и идти.

Он глупо гоготнул и решительно ступил наружу, на твердый надежный асфальт, потопал, залихватски прыгнул и широко улыбнулся, вновь став похожим на ребенка:

– Вроде все чисто, спускайтесь.

В ту же секунду студиозус глубоко вздохнул, закашлялся и... судорожно схватился за шею.

– Боже! – истерично завизжала Ольга, заслоня дочь своим телом. – Закрывайте двери! Быстрее!!!

Верный клятве Гиппократа, Борис первым выпрыгнул наружу, но... его помощь, как оказалось, не понадобилась...

– Да ладно, че переполошились? – с трудом сдерживая смех, лоботряс Васькин принял прежнюю позу. Его крепкое тело дышало молодостью и здоровьем. – Шутка, ха!

– Шутник, мать твою, – Семен Петрович со злостью чертыхнулся. – Тебя бы ко мне в полк на недельку... вмиг бы серьезным стал, идиот. Еще одна такая выходка и... короче – я дважды не предупреждаю, – он оглянулся на остальных. – Путь свободен, граждане. Спускаемся.

Зеленоглазая девица шустро спрыгнула вниз, шагнула к Антону и, не говоря ни слова, отвесила ему звонкую увесистую оплеуху.

– Ты чё, двинулась?! – ошеломленный детина непроизвольно подался назад, с трудом удержав равновесие, его левая щека стремительно наливалась алым. – За что?!

– За дело, юморист. Нашел время... Еще скажи спасибо, что по морде, а не промеж ног.

– Ладно, молодежь, – Грасс ухмыльнулся в усы, – кончай перепалку, не до того сейчас. Покидаем транспорт.

Пятнадцать суетливых секунд, и небольшая группка испуганных напряженных людей опасливо сгрудилась на пятачке асфальта, свободном от мгливой завеси. Со всех сторон непроглядная молочно-белая стена колышущегося тумана, пассивная, равнодушная, чуждая, дышащая иррациональной угрозой.

Пауза.

Немой парень тяжело вздыхает, и в тот же миг, словно повинуясь его дыханию, откуда-то сверху, с неба налетает порыв теплого ветра. Мягкий поток воздуха быстро разгоняет густую плотную муть, она сопротивляется, словно живая, липнет, цепляется за стены зданий, уличные фонари, но, отступает, в конце концов, затаивается где-то вдали, в лабиринте кварталов, упрямая, непобежденная, ждущая...

– Ох, слава те Господи, – выдохнула Таисия Ивановна, поправив непослушную голубую прядь, – а я уж думала, не из-

бавимся от этой мерзости, – ее глаза вдруг расширились от изумления. – Батюшки, а пробка-то куда подевалась?

И впрямь, на всем видимом пространстве улицы не было ни одного автомобиля (кроме их злополучной маршрутки, покрытой зеленоватой коростой губчатой мерзости), только гладкое, словно стекло, полотно шоссе, уходящее в обе стороны вглубь полиса.

– Странно все это, очень странно, кхм, – голос профессора сорвался в фальцет, он прокашлялся и взял себя в руки. – Тут не только в транспорте дело. Оглянитесь – ни одного человека вокруг (кроме нас с вами). Все словно вымерло. Прислушайтесь – птиц не слышно, а ведь всего-то начало сентября. Только растительность на месте: деревья, да зеленые газоны, – он вымученно усмехнулся. – Как после Всемирного потопа: все уплыли в ковчеге Ноя, а мы, дурни, проспали, остались тут одни. Мистика.

– Как при Апокалипсисе в голливудских фильмах, – не к месту брякнул Васькин.

Борис поднял взгляд на нависающую над ним высотку. Пустые, безжизненные проемы окон походили на слепые глазницы. Ни малейшего признака присутствия жильцов. Рядом тихо всхлипнула Ольга. Еще немного, и начнется истерика. Нет, такое надо подавлять в зародыше, это заразно. Тут главное – не молчать, взбодрить. Он постарался придать голосу максимум уверенности:

– Согласен, перед нами проблема, но не трагедия же. Да-

вайте не будем ее гипертрофировать. Мы живы, здоровы, и пока никто нам не угрожает. Мы совершенно не знаем, что произошло, а уже накручиваем себя до края, ожидаем худшего. Видим волка там, где его нет. Пессимизм – религия слабаков, неудачников. Уверен, все объяснимо и преодолимо, – он ободряюще улыбнулся. – Поверьте, настанет время, когда мы будем смеяться над своими нынешними страхами. А сейчас надо встряхнуться и действовать. Стоять на месте и жевать сопли – проигрышный путь. Предлагаю осмотреться.

– Вот молодчина, – раскатисто вставил полковник. – Тебя бы в замполиты... Служил?

– Да.

– Оно и видно, – Семен Петрович оглянулся на остальных. – Так, ребятки, доктор прав. А ну кончай киснуть! Для начала надо освоиться на местности, поразнюхать тут. Если найдем людей, может что и прояснится. Ну что, прошвырнемся? Кто с нами?

– Я! – вызвался приумолкший было студент Антоша.

Офицер оценивающе взглянул на молодого человека:

– Годится, лишним не будешь. Гм, а вам, Аркадий Константинович – обратился он к сделавшему шаг вперед биологу, – лучше бы тут побыть. Трех вполне достаточно, а вот женщины и больные нуждаются в присмотре. Вы не против?

– Да... что уж...

– Не беспокойтесь, дамочки, далеко не уйдем, будем дер-

жаться в поле вашего зрения.

5

Ну что, бойцы, – бодро бросил самопровозглашенный предводитель, – Потопали? Давайте вон к той пятиэтажке, она поближе.

Как только они отошли от остальных, Борис пробормотал: – Никак не могу отделаться от ощущения, что перед нами не настоящий город, а красочное рекламное изображение на глянцевой открытке, пустышка. Тут что-то не так.

Антон громко гоготнул:

– Да все просто. Оглянитесь, здесь нет ни малейших признаков ветшания: ни крохотной трещинки на кирпичных кладках, ни облупленной краски, а главное – абсолютно отсутствует мусор, грязь, что просто невозможно для столицы. Даже урны, словно только что с конвейера, – он не побрезговал демонстративно наклонить емкость тротуарной мусорки, которая девственно сверкала изнутри, как новенькое оцинкованное ведро. Я совершенно убежден, что эти места – не наши.

– Ох-х, ешкин кот! Не к добру это.

Через десяток секунд троица разведчиков остановилась у входной металлической двери подъезда.

Как войти?

Борис пошел по простейшему пути: он начал набирать

наугад на табло домофона номера квартир, в надежде, что кто-нибудь из жильцов (если таковые присутствуют) откроет, или хотя бы ответит.

Тщетно. Складывалось твердое впечатление, что в доме действительно никто не живет.

– Погодьте братцы, – прошептал вдруг Грасс, – мать честная! Поглядите-ка сюда.

Саюкин проследил за взглядом спутника и остолбенел: в месте соприкосновения дверной створки с боковиной косяка, там, где просто обязана быть щель, тускло поблескивало сплошное железо, одно плавно переходило в другое. Ни малейшего намека на проем, как в литом игрушечном домике.

Что-то, натянутое до предела, вдруг лопнуло в груди. Впервые потеряв над собой контроль, Борис грязно выматерился и бросил:

– Что за хрень?! Это не дверь, а имитация! – он в сердцах пнул стену. – Не знаю, что тут происходит, но уверен в одном – Антон прав, это не наш город, подделка. Куда нас занесло, бес возьми?! – и тут же шальная мысль: «Кристина! Как она там... без меня?».

– Расступись! – студент отпрянул на шаг и, используя всю свою недюжинную силушку, саданул плечом в преграду.

«С разбегу о стальную дверь...» – доктор оторопел. – «Вот дурень. Серьезный ушиб – как минимум». Но его опасения, как ни странно, не оправдались.

Послышался уже знакомый скрежет абразива по стеклу, и то, что казалось металлом, легко осыпалось мелкой крошкой, напоминающей разбитый автомобильный триплекс, приняв добра молодца в образовавшийся неровный проем.

Через пару секунд, чертыхаясь и отплевываясь от поднимающейся пыли, бравый Антоша выкарабкался наружу, закашлялся от попавшей в горло крупинки и просипел:

– Посмотрите на края отверстия – та же пористая дрянь цвета блевотины, что и на нашей машинке. Похоже, здесь все построено из этой субстанции.

Борису бросилось в глаза, что на лице юного атлета не было ни малейшего намека на растерянность, казалось, происходящее его только забавляло. Напрашивался вывод: или этот парень еще не бит жизнью, или является законченным экстремалом, жаждущим адреналина (хотя... одно не исключает другого).

Отставник шикнул:

– Потише, услышат.

– Дык оттуда и так все видно.

– Всё да не всё. Видели, как дверь сломал, и всего-то. А может ты здоровый такой, супермен хренов? Ладно, мы еще не закончили. Один случай ни о чем не говорит. Надо проверить еще пяток домов. Айда. Только стены больше не круши, дуболом.

– А как тогда?

– Аккуратненько колупнем, посмотрим, что внутри.

Проверка не дала ничего нового – тот же результат, та же вездесущая фисташковая губчатая масса, лежащая в основе всех строений.

Жутковато.

Спустя минутную паузу полковник крикнул:

– Положеньице... Вот те, бабушка, и Юрьев день. А с тобой, доктор, я согласен, это чужое место, наверняка, не наши края. Может мы вообще не на Земле, – он сплюнул со злостью. – У меня один вопрос, братцы: стоит ли говорить об этом остальным?

– Думаю, придется, всем, – Борис отвел взгляд. – Все равно узнают, причем быстро. Тут это кругом, куда ни глянь.

– А девочке?

– С какой стати? Она все равно не слушает нас. Аутизм.

Семен Петрович тихо вздохнул:

– Ладно, товарищи, диспозиция ясна, возвращаемся. А то наши дамы уже нервничают, даже отсюда видно.

6

Выговориться им не дали. Как только трио разведчиков приблизилось к остальным, возбужденная, заметно побледневшая Ольга зачестила:

– Ребят, пока вы лазили там, мы заметили кое-что необыч-

ное, невероятное. Если честно, это пугает.

– Ближе к делу, – буркнул полковник.

– Конечно. Короче, сегодня утром, в этой маршрутке, – Гиппиус бросила взгляд в сторону транспорта и оцепенела – микроавтобус исчез, словно и не было.

Группка растерянных людей испуганно зароптала, ища глазами автомобиль.

– Тихо! – гаркнул Грасс. – Вы все уже поняли, что ситуация чрезвычайная, да что уж там – невысказанная. Происходят необъяснимые вещи. Но это не повод вибрировать, и не через такое проходили. Сейчас речь идет не о чем-то психологическом комфорте, а о нашем выживании, сохранении собственных жизней, понимаете? Говорю, как есть, пусть это и жестоко. И всем следует помнить одну важную вещь: на фронте первыми погибают те, кто не может совладать с паникой, учтите это. У нас только один шанс: стать едиными, командой, держать себя в руках и не бздеть, загнать свои гребаные страхи поглубже. Всем понятно? Вопросы? Нет? Хорошо. Ты что-то хотела сказать, мамаша? Продолжай.

– Да, – голос женщины стал ровнее. Похоже, речь вожака подействовала, – мы с Ксенией ехали на очередной сеанс к психотерапевту. Когда остановились в этой злосчастной пробке, до его лечебного центра было еще далеко, четверть часа езды, не меньше. Но, когда мы вышли все вместе, оказались здесь, я увидела, что мы почти на месте. Посмот-

рите, вон там серое строение, это частная клиника, внутри – кабинет нашего врача. Три минуты ходьбы, не больше. Но не это самое странное. Я прекрасно знаю эту часть города, бывала здесь многократно, и вот что скажу: это место стало немного другим.

– То есть?

– Нет, на первый взгляд вроде все то же самое, но... не совсем. Посмотрите, вот тут, между жилым домом и аптекой раньше была небольшая булочная (я бывала там, клянусь). Где она сейчас? Нет ее. И это не единственное исчезновение. Я насчитала четыре пропавших строения, может и больше, не уверена. Но, что поразительно – просветов нет, остальные здания стоят впритык, словно так и было всегда. Бред! Как вы это объясните, мужчины? Что происходит?

Грасс шумно выдохнул и мягко опустил загрубевшую ладонь на худенькое плечико аутичной девочки:

– Боюсь, что это не единственная проблема, с которой мы столкнулись. Нам тоже есть что рассказать. В ногах правды нет. Видите пару уличных скамей? Присядем, поговорим?

7

Кому, как не врачу знать, что правда бывает жестокой. И далеко не все принимают ее одинаково: кто-то борется до последнего, кто-то истерит, начинает винить всех и вся, кто-то опускает руки, смиренно ждет конца, а кто-то отри-

дает, не верит, делает вид, что все в порядке. Только на грани бездны ты видишь, чего стоит каждый.

Коротенький отчет полковника не оставил равнодушным никого (кроме Ксюши, разумеется). Таисия начала тихо причитать, бормоча что-то о наказании божьем за грехи. Девушка чертыхнулась, злобно зыркнула в заволоченные густой пеленой небеса, лишённые солнца, и отвернулась от остальных. В глазах немого Павла на краткое мгновение вдруг вспыхнуло жгучее пламя ярости неизвестно на кого, и тут же погасло, уступив место привычной поволоке замкнутости. Ольге было труднее остальных, ей приходилось думать не только о себе, но и о больном ребенке; женщина прижала к груди голову дочери и стала что-то тихо нашептывать на ушко безучастному чаду.

Самым парадоксальным образом отреагировал профессор. Он оптимистично усмехнулся и произнес громко, словно делая вызов кому-то там, наверху:

– Не трепещите, друзья, возможно, это не беда, а благо, подарок судьбы. Я уже довольно пожил, думал, так и закончу заплесневелым ученым, не добившимся ничего толкового... а тут... такой сюрприз, шанс познать что-то невероятное, приблизиться к абсолютной истине, – он игриво подмигнул. – Кто знает, может и получится?

– Может, – буркнул Грасс. – Только прошу не забывать, что мы не в исследовательской экспедиции, не на прогулке, мы попали в серьезную передрагу и хотелось бы выпутаться

из нее. И, если уж на то пошло, в данный момент мы скорее не исследователи, а подопытные крысы, попавшие в клетку экспериментатора.

– Точнее – в пустой кукольный городок из пластика, – вставил Антоша Васькин.

– Пусть так, – понизил голос Семен Петрович, – но в данном случае у подопытных есть мозги, они способны оценить ситуацию, придумать что-то. Мы должны быть максимально бдительны, замечать всякую безделицу, какой бы незначительной она не казалась. Кто знает, возможно, именно она поможет решить нашу проблему. Слышали расхожее выражение: «Дьявол кроется в деталях»? А ведь есть и другое, более древнее: «Бог в мелочах». Так что в нашей ситуации пустяков не существует, важно все, – он пристально оглядел присутствующих. – Ну что приуныли? Куда направимся, какие предложения?

Ольга Гиппиус встрепенулась, словно ждала этих слов:

– Послушайте меня, пожалуйста. Нам не известно, есть ли выход из этого жуткого места в наш родной мир, не знаем, в каком направлении двигаться, чтобы найти его. А если так, предлагаю для начала посетить кабинет нашего психотерапевта. А вдруг...

Полковник скептически усмехнулся:

– Вы что, мамаша, действительно надеетесь застать вашего мозгоправа на месте?

– Н-ну... мало ли...

– Гм, почему бы и нет. Может найдем чего? Ну что, потеряшки, прогуляемся?

Путь до терапевтического центра и вправду оказался недолог. Сотня шагов, и они на месте. Первое потрясение ждало их у входа – дверь, настоящая, не имитация. Ольга потянула за круглую металлическую ручку, и створка распахнулась, открывая прямой, стерильно чистый коридор, ярко освещенный люминесцентными лампами.

– Однако! – выдохнул Антон. – Вот это номер! Даже илюминация присутствует. Выходит, не все здесь обманка.

– Идите за мной, – бодро бросила мама Ксении. – Нам на второй этаж, кабинет двадцать шесть.

По мере продвижения внутрь, здоровый оптимизм стремительно таял. На вахте – никого, в регистратуре – пусто. Прямоугольники дверей врачебных комнат оказывались такой же дешевой имитацией, что и в домах на улице.

Тяжело поднимаясь по лестнице, Таисия шумно вздохнула и одышливо зашептала молитву.

Вот они, пластиковые цифры 2 и 6 на гладкой кремовой поверхности. Чуть ниже – роскошная металлическая табличка с выгравированной надписью: Исаак Наумович Штельман, кандидат медицинских наук, психотерапевт высшей категории.

Ольга шагнула ближе, взялась за ручку, звучно сглотнула и робко потянула дверь на себя.

Получилось!

Заглянув в открывшийся проем все ахнули: в просторном светлом кабинете за широким рабочим столом восседал невысокий хрупкий человек в белом халате.

8

– Гильзу мне в глотку... – выдохнул полковник.

Увлеченно строчивший что-то в журнале смуглый черноволосый мужчина с аккуратно подстриженной бородкой клинышком вздрогнул от неожиданности и поднял глаза:

– Чего вам, уважаемые?

И тут же, заметив знакомую пару Гиппиус, приветливо улыбнулся:

– Ольга Евгеньевна, Ксюшенька, вы порядком припоздали. Я уж и не надеялся... – он бросил скользкий взгляд на остальных. – Гм, вы сегодня не одни. Позвольте узнать, кто эти люди?

– Родственники ребенка, – неожиданно брякнул Аркадий Константинович. – Вы уж извините, что мы целой делегацией. Видите ли, доктор, у нас большая дружная семья и никто не может оставаться равнодушным к состоянию девочки. Вот посоветались и решили нанести вам визит, узнать от профессионала, из первых уст, так сказать: как продвигается терапия, есть ли надежда?

– Кхм, – психиатр был в растерянности, – помещение

не рассчитано на такое количество людей, для всех даже ступень не хватит...

– Ничего, постоим.

– Хорошо, – худощавый мужчина приветливо улыбнулся и радушно привстал, приглашая гостей, – Ксения – мой давнишний клиент, так что... сделаем исключение. Располагайтесь, господа, кто как может, – он опустил на кресло и продолжил. – Не хочу обманывать вас, рождая ложную надежду. Аутизм, как заболевание, в принципе неизлечим, это патология с генетической предрасположенностью, а поломанные гены, как понимаете, восстановить не представляется возможным. Однако, при грамотной терапии иногда случается наступление ремиссии – временного утихания симптомов заболевания. Наша задача, во-первых, добиться этого состояния, во-вторых – максимально продлить его.

Человек в белом вздохнул и слегка подался вперед:

– Если говорить конкретно о Ксении, ее случай довольно неординарен: девочка заболела довольно поздно, а практика показывает, что чем позднее развивается эта патология, тем более доброкачественно протекает. Согласитесь, это вселяет определенную надежду. Поверьте, я делаю все возможное, чтобы притушить патологический процесс. Но это долгая и кропотливая работа. В последнее время у пациентки наблюдаются признаки, которые позволяют надеяться, что через два-три месяца ее состояние может улучшиться. Тут, главное – не торопиться. Как врач, я надеюсь на помощь

и с вашей стороны. Ребенку следует обеспечить покой, психологический комфорт, девочка должна чувствовать себя внутренне защищенной. Категорически недопустимы громкие звуки и иные раздражающие факторы, присутствие больших количеств людей, – доктор бросил критический взгляд на гостей. – Больные аутизмом боятся перемен, всего нового, поэтому нельзя изменять положение предметов в ее комнатах, переставлять мебель, издавать громкие звуки и т. д.

Уступив сидячие места женщинам, Васькин скромно стоял у стены, справа от оратора. Чем дальше разглагольствовал Исаак Наумович, тем сильнее у Антона зрела уверенность: что-то не так. Его смущали не речи эскулапа, а его вид, казавшийся слегка гротескным: не в меру полные губы, крупная голова, острый подбородок... Казалось, перед ним сидит не человек, а очень тонкий шарж на человека, еле заметная карикатура.

Все бы ничего, но когда, обращаясь к Ольге, Штельман слегка повернул голову влево, студент остолбенел – ему показалось, что у врача отсутствует затылок.

Очень медленно, стараясь не привлекать внимание, Васькин начал перемещаться вдоль стены, сантиметр за сантиметром, пытаясь найти позицию, которая позволит взглянуть на психиатра в профиль, а если повезет – и за спину.

Шажок, еще шажок... еще чуть-чуть...

Не переставая вещать, лекарь душ снова повернулся к Матери пациентки и... сердце Антона чуть не выпрыгнуло

из горла от жуткой смеси омерзения, страха и гадливости.

У дипломированного хозяина кабинета не было задней части тела. Казалось, кто-то удалил ее, отрезал ровно по вертикали. Отсутствовали затылок, задняя часть шеи, спина, седалище... Но самым шокирующим было то, что обнаженная поверхность тела открывала взгляд не на окровавленные внутренние органы, а на до отвращения знакомую бледно-зеленую пористую массу, крохотные полости которой сжимались и расширялись в зависимости от движений существа.

«Господи! Эта... тварь, кукла... не должна жить!» – здорвяк чувствовал, как изнутри его естества поднимается неконтролируемая волна жгучего желания уничтожить гадину, раздавить, словно жирную пиявку, присосавшуюся к телу.

Рыкнув по-звериному, он бросился к пискнувшему от неожиданности гомункулу, обхватил руками подобие его шеи и рванул на себя. Аморфная субстанция, наполнявшая монстра, оказалась мягкой, как поролон, порвать ее ничего не стоило.

– Да не галдите вы... – игнорируя негодующие возгласы спутников, он швырнул обезглавленное тело мнимого психотерапевта на стол, выставив напоказ его заднюю часть. – Смотрите! Это не человек, обманка, как и все здесь!

Шок.

Лиза глухо охнула, Ольга отчаянно завизжала, инстинктивно прикрывая ладонью глаза дочери, Таисия хлопнулась

в обморок, а старика Мелькова скрутил приступ рвоты.

Глава 2. Пленники

У человека должно быть хотя бы на два гроша надежды, иначе жить невозможно.

Бертольд Брехт

1

Много ли найдется людей, способных по-настоящему почувствовать горю постороннего человека? Когда мы слышим: «безнадежно больное дитя», то прячем взгляд, тихо отворачиваемся от чужой проблемы, тайно радуясь, что, слава Богу, это случилось не с нами, с кем-то другим.

Кто может понять чувства матери, ежедневно, ежечасно ухаживающей за недужным ребенком, обеспечивающей его существование, мотающейся по клиникам, от врача к врачу, с робкой верой в то, что кто-то поможет, исцелит... И все это – одна, без мужа, родичей, без надежды на стороннее сочувствие. Тяжко. Порой, в самые черные часы, выть хочется от безнадеги, в душу лезут спасительные мысли о самоубийстве... но как? Даже на смерть она не имеет право, ведь тогда ее девочка останется одна... Кто за ней присмотрит?

Вот он, настоящий подвиг, спасающий, жертвенный, жизнеутверждающий. Разве он менее значим, чем секундный аффективный порыв, бросающий человека на амбразуру?

Ольга Гиппиус была коренной москвичкой. Вся первая половина ее жизни являлась существованием серого мало-заметного обыкновенного человека, не блиставшего ни талантами, ни внешностью. В детском садике, в школе, а затем и в техникуме эта тихая мышка всегда была на заднем плане, не выделялась ничем. Кто-то ей помыкал, кто-то игнорировал... Она не сопротивлялась, плыла по течению, считая такое положение вещей нормальным (потому, что не знала иного). Учеба тоже шла ни шатко ни валко – с троечки на четверочку. Середина во всем. Парни не обращали на нее внимания (да она и не стремилась к этому), у девушки не было хобби, увлечений, она просто существовала, тихо шла по тропке своей судьбы, опустив голову.

Одна весна сменяла другую, жизнь стремительно пронеслась мимо. Казалось, так будет всегда, но, однажды зимой, когда ей шел уже двадцать восьмой год (девственница, в таком-то возрасте...), что-то будто взорвалось изнутри, прокричало: «сейчас!». Ольга почувствовала неодолимое желание действия. Не в силах усидеть на месте, она решила посетить только что открывшийся городской каток. Кататься она не умела, но взяв коньки в прокате, смело шагнула на лед... и тут же растянулась бы, если б не сильные руки, подхватившие ее сзади:

– Осторожней красотка.

Обернувшись, она встретила взглядом с высоким худо-

щавым горожанином лет тридцати пяти и... оцепенела от нахлынувших незнакомых чувств: к ней впервые прикасался мужчина.

– Я – Сергей. А вас как величать?

– Ольга.

– Вы первый раз на катке?

– Да.

– Хотите, научу кататься?

– Ага.

В какую-то минуту бытие ее изменилось радикально. Вот в такие моменты человек определяет свою дальнейшую судьбу. Она смело шагнула навстречу жизни, громко сказала ей: «да».

И понеслось, закрутилось: свидания, цветы, мягкие галантные ухаживания.

Впервые девушка влюбилась по-настоящему. Это было восхитительно. Гиппиус осознала вдруг, что все прошлые годы она спала, и вот – проснулась, вдохнула жизнь полной грудью.

Их отношения были чистые, несмелые, старомодные. Лишь через месяц общения она позволила поцеловать себя в губы (и тут же отпрянула, испугавшись накатившей вдруг волны острого желания), а еще через пять – Сергей сделал ей предложение. Избранница тут же ответила «да». А чего тут думать, она уже давно решила для себя, что это он, тот самый, суженый, тот, кто видел в ней красавицу, любимую...

жену...

Далее – скромная свадьба, вселение в ее квартирку, медовый месяц в Анапе и... тихая семейная жизнь.

Ксения была желанным ребенком, единственным.

Ольга родила поздно, в 34 года. Так вышло... Так часто выходит в стране, не особо заботящейся о своем будущем – детях. Сначала не до того: работа, скромный карьерный рост. Потом – ипотека (ее простенькой однушки было недостаточно для молодой семьи), четыре тяжких года постоянных выплат непомерного кредита, существования впроголодь. Наконец свершилось – у молодой семьи появилось собственное просторное гнездышко. Пора! И тут обнаружилась проблема – у них не получалось. Они занимались этим страстно, часто, иступленно, делали все, как надо, меняли подходы, диеты, режим, но как ни старались, проклятый тест на беременность неизменно демонстрировал всего одну полоску.

Долгие походы по врачам не принесли результата. Многочисленные исследования показывали одно и то же: оба супруга в порядке, их детородные функции не нарушены.

На дорогостоящую операцию по искусственному оплодотворению не хватало средств, а бесконечные визиты к шарлатанам знахарям, как и ожидалось, были бесполезны.

Что делать?

Ждать и... любить друг друга.

И вот, когда надежда уже стала покидать супругов, это на-

конец случилось. Стараясь не спугнуть удачу, они не радовались, не говорили об этом даже друг с другом, лишь робко ждали развития событий, считая каждый день вынашивания.

Беременность протекала без осложнений. Ребенок родился в срок, здоровеньким (по словам врачей), без отклонений.

Девочка... дочь...

Свершилось! С этого момента все существование молодых родителей было ориентировано на нового члена семьи. Муж вкалывал на двух работах, а Ольга полностью посвятила себя заботам о крохе.

Вначале все было хорошо. Конечно, мать замечала некоторые странные вещи: малышка порой не предвосхищала изменением позы попытку взять ее на руки, свои желания иногда выражала, манипулируя рукой мамочки, редко смотрела в глаза, мало улыбалась, не всегда откликалась на собственное имя, поздно начала говорить.

Все это наводило на тревожные мысли, и однажды женщина решила нанести визит детскому психиатру. Осмотрев Ксению, врач произнес страшное слово «аутизм», но при этом успокоил родительницу, сообщив, что у детей, страдающих этим недугом, все перечисленные мамочкой симптомы выражены значительно ярче. Специалист заключил, что не видит этого диагноза у Ксении, хотя не исключено, что у девочки есть склонность к данной патологии.

Как казалось, доктор не соврал. Ксюша росла здоровым, активным ребенком, правда не очень разговорчивым и ка-

пельку замкнутым, но это, как было сказано, всего лишь особенности индивидуальной конституции организма.

Да, все было прекрасно, и таким бы и оставалось, если бы не тот проклятый случай...

Ольга вдруг задохнулась от накативших воспоминаний, что-то тяжелое, горячее, давно таившееся внутри, вдруг прорвалось, хлынуло наружу потоками соленых слез. Не в силах более сдерживать себя, женщина по-детски уткнулась лицом в ладони и полностью отдалась рвущим душу чувствам (как и ожидалось, девочка безучастно сидела рядом, не проявляя никаких эмоций).

– Оставьте нас! – жестко отрубил Борис, обратившись к остальным (народ мгновенно растворился).

«Надо же, типичная истерика. Как не вовремя, люди и так на пределе», – молодой человек присел рядом с рыдающей женщиной, мягко приобнял ее за плечи и стал нашептывать тихие ласковые слова. Опыт невролога подсказывал: тут без разницы, что говорить, главное – успокаивающий доверительный тон. Помогло. Спустя несколько минут мамаша проплакалась, чуть успокоилась. Так, полдела сделано, теперь она должна почувствовать стороннюю силу, защищенность, внутренний комфорт. Саюкин заговорил, стараясь придать голосу твердость, уверенность, легкие повелительные нотки:

– Все, все, успокойся, – он слегка сжал ее кисти в своих ладонях, не замечая, что перешел на «ты», – Оля, слышишь

меня?

Долгая пауза, тихий всхлип и:

– Да.

– Вот и славно. Дыши глубоко, вдох – выдох... вот так...

Посмотри мне в глаза, пожалуйста.

Женщина подняла взгляд, тут же смущенно отвела его, но доктор легонько коснулся подбородка несчастной и восстановил визуальный контакт:

– Все будет хорошо, даю слово. Теперь ты не одна, мы рядом, мы уже не чужие тебе, всегда поможем, защитим. Верись мне?

– Угу... – она хлюпнула носом и робко улыбнулась. Хороший знак.

– Ну и прекрасно.

Вроде бы кончено, инцидент исчерпан, но Борис чувствовал – что-то гнетет эту женщину. А раз так, подобное может повториться, и не раз. Если не помочь, не ровен час, бедняга дойдет до психоза, а это, в их нынешнем бедственном положении, совсем ни к чему. Причина не устранена, надо работать. Он тихо выдохнул:

– А теперь самое трудное. Соберись. Вижу, мамочка, тебя что-то мучает. Не спорь, у тебя на лице написано. Это всегда будет точить твою душу, если не откроешься, не выговоришься. Поверь, не стоит скрывать проблему, надо громко заявить о ней, только это поможет. Не держи в себе. Оглянись, мы одни. Можешь довериться мне. Если так будет лег-

че, считай, что это исповедь, а я священник.

Тишина.

Она готова, нужен толчок.

– Ну же! – Борис повысил тон.

Женщина вздрогнула, как от удара, лицо некрасиво скривилось, она вздохнула прерывисто, с дрожью, и заговорила. Вначале ее голос был еле слышен, но, по ходу повествования, он становился все звонче, яростнее, пока не сорвался на крик на последней фразе:

– Дело в Ксюше, точнее в том, как она стала такой. Еще в грудном возрасте педиатр отметил у дочки некоторые симптомы... Он попробовал успокоить меня, сказав, что подобное состояние врожденной замкнутости встречается иногда и далеко не всегда переходит в нечто серьезное. Я слышала от специалистов, много читала, знаю, что почти всегда аутизм начинается в раннем детском возрасте, до трех лет, не позднее. У нас было не так. Я ждала, боялась, но когда мы отметили пятилетие девочки – успокоилась окончательно, забыла, выкинула страх из сознания, как дурной сон. Все было хорошо, пока... – собеседница вдруг булькнула что-то нечленораздельное, мелко задрожала, но, быстро подавив слабость, продолжила, – это случилось за неделю до ее десятого дня рождения. Дочка была в школе, как обычно. Кто же знал, что в этот день какой-то придурок позвонит о якобы заложенной в классе бомбе? Детей эвакуировали, занятия отменили, – она всхлипнула и осеклась.

– Ну, смелее.

Ольга вдруг подняла глаза на мужчину, во взгляде пылало горячее раскаяние:

– Мы не ждали ее так рано. Она должна была вернуться к половине второго. Ксюша всегда ступала очень тихо. Мы не слышали, как она зашла к нам в спальню. Девочка увидела, как мы с мужем... Боже! Ее взгляд, он до сих пор у меня перед глазами... Это была катастрофа, конец. В этот миг дочь будто ушла куда-то, замкнулась, полностью, стала... аутисткой. Господи! Что мы натворили?!

Женщина была готова снова зайти в рыданиях, но Борис крепко встряхнул ее за плечи, с трудом поймал ошалелый влажный взгляд и выкрикнул:

– Успокойся! Сейчас я удивлю тебя. Готова?

– Д-да...

– Ты не виновата.

– Но мы же...

– Пойми, причина аутизма – объективная вещь, от тебя не зависящая, это поломка гена (ваш психотерапевт был прав), только это приводит к заболеванию. Все остальное – вторично. Судя по всему, у твоей девочки была подобная мутация, но повреждение было не столь явным, поэтому заболевание началось гораздо позднее, чем обычно. А то, что она увидела у вас в спальне, явилось всего лишь толчком, триггером, запустившим процесс, который и без этого начался бы обязательно, это точно. Поверь, не будь того злосчаст-

ного эпизода, патология непременно нашла бы иной повод к развитию: резкий стресс, испуг, просто громкий звук... что угодно. Если процесс созрел, его уже не остановить. Это было неизбежно, и, повторяю, вашей вины тут нет.

Пауза...

Он продолжил:

– Это как переполненное водохранилище, готовое вот-вот прорвать плотину. И совершенно нет разницы, что станет причиной обрушения, оно неминуемо, понимаешь?

– Правда?

– Клянусь!

Ольга поверила сразу, мгновенно. Она несмело улыбнулась и вдруг прошептала:

– Дура, что я наделала...

– Ты о чем?

– Понимаешь, после того случая я не могла смотреть на мужа. Не подумай чего, он хороший, добрый, любящий... но, каждый раз, когда видела его, в памяти всплывал пустой взгляд Ксюши. Я понимала, что мы оба виноваты, но не могла ничего поделать с собой, это шло откуда-то из самого нутра. Я возненавидела его... как и себя...

– Вы развелись?

– Да. Я видела, ему было больно, очень, но Сережа не возражал, понимал: все кончено.

Борис отвел взгляд. Женщины... Порой они могут быть чудовищно жестоки. Что тут скажешь?

– Трудно было?

– Конечно, – Ольга понизила голос, словно вспоминая что-то, – после этого мне стало гораздо тяжелее и физически, и материально, и морально, но по-другому я просто не могла. Это был ад. А потом... появился шанс. Как-то подруга посоветовала мне доктора Штельмана. Мы с Ксюшей стали посещать его. Он и вправду был неплох. Через пару месяцев мне показалось, что дочь стала чуть открытее, самую малость. Не знаю, так ли это? Может я просто приняла желаемое за действительное... Тем не менее, это был проблеск надежды, у меня появилась цель, – она подняла заплаканные глаза. – И тут... такое...

На лице Гиппиус появился здоровый румянец. Исповедь помогала. С каждой минутой родительнице становилось все легче. Женщина вздохнула и продолжила:

– Я не считаю свою дочь дефективной. У нее блестящий разум. Как-то в детстве, еще до того случая, у них в школе проводили тест на уровень интеллекта. Так вот, IQ моей девочки оказался значительно выше, чем у сверстников. Ее мозг был бы великолепен, если бы не та дрянь в нем, что мешает общению с миром.

– Не удивительно. Интеллект аутистов частенько превышает таковой у здоровых людей, это доказано. Глупейшая ошибка считать их умственно неполноценными, – Борис доверительно улыбнулся. – Ну что, подруга, пришла в себя?

– Да, вроде... Спасибо тебе.

– Зовем остальных?

– Конечно. Только у меня просьба. Мог бы ты...

– Держать это в секрете? Обижаешь. Слышала про врачебную тайну? А кроме того, напомним тебе слова француза Лабрюйера Жана: «Мужчина соблюдает чужую тайну вернее, чем свою собственную, а женщина лучше хранит свою, нежели чужую». Так что твоя подноготная защищена с обеих сторон – и с твоей, и с моей, – доктор взглянул на сидевшую рядом девочку. – Разве что твоя дочь проболтается, но я буду счастлив, если наступит момент, когда она сможет это сделать.

2

Эмоции утихли. Народ слегка пороптал и утомился. Конечно, кому интересна истерика слабой женщины в такой ситуации? Не до того. Всех волновал извечный вопрос: что делать?

Как всегда, в ключевой момент инициативу взял в руки Семен Петрович:

– Ну что, бойцы... пardon – граждане, могу вас заверить – наши действия не были напрасны. Мы можем уверенно заявить, что находимся в чуждом месте, копирующем наш город, но, как оказалось, все вокруг – ненастоящее.

– Америку открыл, – брякнула Лиза.

– Спокойнее, златовласка, – полковник криво ухмыльнул-

ся. – Отрицательный результат – тоже результат. Не спеши, не все сразу. Понимаю, ты бы хотела, чтобы добрый дядя Грасс взмахнул волшебной палочкой, и все тут же вернулись домой? Не выйдет, девонька. Сдается мне, мы попали в серьезную переделку, и выпутываться из нее придется вместе. По другому – никак.

– И что делать?

– Когда человек заблудился в лесу, он не стоит на месте, ищет выход, конец зарослей. Я призываю вас к тому же. Вместо того чтобы ныть, или критиковать других, стоит исследовать эти места, они не могут быть бесконечными, как и тот лес. Должен же быть край. Ноженьки у нас есть, ходить можем, не калеки. Предлагаю обойти всю эту хрень, наверняка найдем чего-нибудь. Согласны?

Коротко посоветовавшись, решили двигаться вдоль улицы, в том же направлении, куда везло их когда-то маршрутное такси (боже, как давно это было!).

– Гляньте, – Аркадий Константинович показал взглядом на то место здания, где Васькин недавно проделал дыру своим телом, – все восстановилось, как новенькое. Выходит, эти строения способны регенерировать. Занимательный факт.

– Да уж... – Антоша глупо хохотнул, – а вот интересно, если так, получается, тот еврей психиатр тоже ожил. Представляете, щас выходит это чучело из кабинета, с головой под мышкой, и бегом за нами, с криком: «отдайте свои моз-

ги!»». Гы-гы!

– Не нервируй дам, фантазер, – бросил бывший десантник. – Ну что, ребятки, потопали?

Путешествие оказалось недолгим.

Улица делала крутой поворот, огибающий громаду краеведческого музея, и как только путники миновали его, тут же уперлись в стену все того же плотного белесого тумана, преграждающего движение. Оказывается, эта хмарь не исчезла совсем, развеянная ветром, а лишь отступила, освободив небольшой участок города.

Мутная мгла нависала над ними, высясь до бесконечности, вrostая в низкое небо того же цвета. Зыбкая субстанция находилась в постоянном движении, жила своей квазижизнью, буквально физически излучая незримые волны тяжелой голодной угрозы, высасывая остатки решимости, рождая в душе изначальный первобытный страх. Казалось, из глубины белесой мути на путников смотрело само inferнальное изначальное зло.

Борис отвел взгляд и досадливо сплюнул. Таисия тихонько охнула и опустила массивный зад на край тротуара.

Васькин (единственный, на кого, казалось, жуткое препятствие не произвело удручающего впечатления) достал из кармана пятирублевую монету и швырнул ее в колышущуюся дымку. Ни малейшего звука в ответ, будто металл канул в бездну.

Секундная пауза, и дрожащий голос Гиппиус:

– Я туда ни за что не пойду.

– Да никто не пойдет, – отозвался Мельков, – не самоубийцы. Тут и идиоту ясно, что это не обычный туман, а нечто совершенно иное. Что скажете, полковник?

– Что тут говорить? Этот путь закрыт, однозначно. Если нет иных предложений, идем в обратную сторону, вдоль улицы.

3

Красотка Лиза вдруг споткнулась на ровном месте, с трудом удержав равновесие. В ту же секунду немой Паша Зотов вдруг промычал что-то и указал рукой вперед.

Перекресток.

Их улицу пересекала другая. Вроде бы – вот он, выбор, как у витязя на распутье, куда идти, по которому из трех путей (только камня с надписью не хватает)? Но одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться – альтернативы нет. И правый, и левый проходы поперечного переулка утопали все в той же густой белесой пелене. Оставался единственный вариант – прямо, все по той же улице.

Пройдя еще квартал, путники убедились, что и на следующем пересечении дорог та же картина. Похоже, свободным от пугающего седого марева был только тот проспект, по которому следовало когда-то их маршрутное такси.

– Интересно, – пробормотал профессор, – бывает ли в этой дыре чередование времени суток: день, ночь, смена освещенности?

– Увы, Аркадий Константинович, – вставил военный, – чего-чего, а загадок тут хватает. Может быть вы, со своей высокой колокольни ученого мужа просветите нас, что это за место такое, как мы попали сюда? Признайтесь, уважаемый, наверняка у вас уже сложилась парочка версий на этот счет.

– Если бы... – Мельков одышливо вздохнул. – Первый вопрос: что за сила перенесла нас сюда, зачем, с какой целью? Я, конечно, могу попытаться ответить, привести уйму бредовых гипотез, от дыры в параллельное измерение до экспериментов инопланетян, но все это... интеллектуальная гимнастика, не более, бесполезные рассуждения, они не приведут нас к истине. Любой серьезный ученый скажет: чтобы быть твердо уверенным в чем-то, надо иметь факты. А у нас с вами их нет, ни малейшей зацепки. Без них я бессилен. А строить догадки на пустом месте – бесплодное занятие. Но не все так печально. Хочется верить, что мы в шаге от величайшей тайны Мироздания и, если повезет, познаем ее. Предчувствие этого повергает мой разум в трепет.

– М-да, дружище, – бросил Грасс, – я надеялся на большее. Не о том мечтаете, почтенный. Нам не о великих открытиях сейчас думать надо, а о собственном спасении.

– Одно другому не мешает, Семен Петрович, – мягко вста-

вил ученый. – У каждого свой приоритет. Но вы спросили моего мнения. Позвольте закончить?

– Конечно.

– Теперь ваш второй вопрос: что это за место, что происходит? И вот тут, мы уже продвинулись немного, столкнулись с парочкой удивительных феноменов, фактов, от которых можно отталкиваться, строить серьезные гипотезы... Мы видим, что окружение изменилось кардинально, это не привычный нам город, мы находимся в искусственном мире, притворяющемся настоящим; даже единственный... гм... человек, которого мы встретили, оказался подделкой. Что вокруг? У меня две версии. Первая: кусок нашего города по какой-то неизвестной нам причине вдруг превратился в эту... дрянь, к тому же самоизолировался от всего остального. Но если так, тогда куда подевались тысячи людей и куча автомобилей, которые были в тот момент в этих кварталах? Не сходится, короче, это маловероятно. И вторая версия (лично я склоняюсь к ней) – некая таинственная сила переместила нас в иное далекое место (может даже в другую звездную систему), где устроила для нас мини-резервацию, напоминающую привычную обстановку. Кстати, попытка создать для своих пленников знакомое окружение говорит о том, что этот некто заинтересован в нас, мы зачем-то нужны ему. Вот только зачем?

– А вы не думали, что это эксперимент над нами? – вставил доктор. – Вспомните, Грасс уже недавно намекал на это.

Конечно, в такое трудно поверить, ведь мы привыкли к лидерству, уверили себя, что именно человек – венец природы, только нам дано право изучать ее, проводить научные опыты на мышах, кроликах, собаках, исследуя их... А что, если объявился кто-то выше нас, могущественнее? И вот этот... гм... незнакомец решил изучить нас, наши способности к мышлению, выживанию, социальному взаимодействию...

– Что за вздор? – вскипел Семен Петрович.

– Ага, не нравится? – ехидно ухмыльнулся Борис. – Это естественно. Наверняка подопытная зверушка, препарированная ученым, тоже не в восторге от его действий. Но кто ее, беднягу спрашивает? А теперь об этих местах. Представьте, что это лабиринт.

Васькин посмотрел на него, как на лунатика:

– Какой, к хреням лабиринт?

– Ну, такие бывают в лабораториях некоторых НИИ – небольшое пластиковое строение с извилистыми замысловатыми ходами...

– Зачем?

– Туда ученые запускают крыс, или других животных, чтобы оценить их сообразительность, работу мозга: сможет ли зверек сориентироваться и найти выход, ну или камеру с кормушкой?

– Садисты, – сплюнул служака, вдруг его глаза округлились, – Стоп! Ты хочешь сказать, что сейчас мы – подопытные животные, и какая-то мразь следит за нами сверху, изу-

чает реакции?

Саюкин тяжело вздохнул:

– Об этом я и толкую. Судите сами: нам открыта только одна улица, все остальное огорожено этой невозможной дымчатой гадостью. Нас словно ведут куда-то, не дают сойти с намеченного пути.

– Но в лабиринте полно изгибов, а мы идем по прямой.

Невролог устало остановился, переводя дух:

– Во-первых, возможно, тут иные масштабы, и до ближайшего поворота нам топтать еще километров пять; во-вторых, не стоит воспринимать все так буквально, анализ интеллекта – это не только проверка навыков ориентирования, может от нас ждут чего-то другого.

– Чего, например?

– Кто знает? Возможно, это нечто, вроде квеста⁵, и мы должны напрячь свои мыслительные органы, оценить ситуацию, найти что-то, вроде ключа, который открывает выход...

– Выход? – с надеждой выдохнула Ольга.

– Гм, выход на следующий уровень.

– И сколько всего этих уровней? – вставил профессор.

– Ну откуда я знаю? – ошетинился доктор. – Поймите, я

⁵ **Квест** (англ. quest) – один из основных жанров компьютерных игр, представляющий собой интерактивную историю с главным героем, управляемым игроком. Важнейшими элементами игры в жанре квеста являются собственно повествование и исследование мира, а ключевую роль в игровом процессе играют решение головоломок и задач, требующих от игрока умственных усилий (прим. автора).

просто провожу аналогию с компьютерной игрой, в которой их может быть и двадцать, и сорок, по-разному. Но мы-то не в игре. И это – всего лишь мое предположение, версия.

– Игра, ствол им в зад! – взорвался полковник. – Посмотрим, кто кого переиграет. Ничего, ребятки, мы разберемся, что за тварь все это организовала, и тогда... дайте мне минут пять наедине с этим умником, уж я покуражусь!

Мозговой штурм закончился. Все синхронно замолчали, устало опустив головы, тупо гипнотизируя асфальт.

Борис завис в полунирване.

Отдых... Сидел бы так часами, если бы не жажда, которая с каждой минутой все нестерпимее.

– Не засиживаемся, ребятки, – зычный голос Грасса бодрил, приводил в себя, – силенок поднабрались и потопали.

Вам помочь? – Антон протянул руку сидевшей рядом си-неволосой женщине.

«Это он мне?» – обмерев от неожиданного обращения, Таисия Ивановна подняла взгляд. Боже! Добрые открытые глаза, теплая дружелюбная улыбка... Выходит, неравнодушные отзывчивые люди встречаются не только в романах, но и в жизни.

– Спасибо, – опершись на твердую ладонь молодого человека, она легко приняла вертикальное положение. Женщина вдруг поняла, как изголодалась по простому человеческому теплу, вниманию. В голове зашумело, неожиданно накатила

волна эмоций, в глазах защипало.

«Только не реветь, не реветь...» – она глубоко вздохнула и попыталась отвлечься, вспомнить о приятном. – «Как там Мявик, бедняжка. Нет, не пропадет, улицу знает».

Помогло.

Если попытаться охарактеризовать одним словом жизнь конкретного человека, то Таисии Ивановне Сиротиной вернее всего подошло бы существительное «одиночество».

Детство и юность брошенной родителями-алкоголиками малышки прошли в убогом детском доме советских времен (отсюда и фамилия), нравами и порядками больше напоминавшим закрытый интернат для малолетних преступников. Что и говорить, несладко там пришлось мягкой по натуре девочке Тае. Несмотря на скудные пайки, хроническое недоедание, сирота росла пухленькой (кто знал, что тому причиной: пониженный обмен веществ, или божья воля?), за что ее дразнили «жирной», «хрюшкой», «колобком», унижали, насмехались, иногда поколачивали.

Отверженная. Кому это понравится? Но, имея врожденную внутреннюю силу, она держалась, не опустилась до пресмыкательства перед лидерами, как некоторые дети из их заведения. Она пошла другим путем – каждый раз, слыша насмешки, Таисия представляла своих обидчиков в унизительно-комичном виде: голыми, испачканными в нечистотах, с огромными ушами, или выросшими ветвистыми рога-

ми. Это было настолько забавно, что порой девочка не могла удержаться от смеха. Такая реакция унижала тех, кто сам желал унижить. Не подозревая того, она создала великолепную психологическую защиту, которая помогла ей выжить, сохранить личность.

В день совершеннолетия она покинула ненавистный дом мучений, вселилась в предоставленное ей государством общежитие и без проблем поступила в техникум на библиотекаря. Получив через пару лет диплом с отличием, выпускница Сиротина устроилась в одну из городских библиотек (ту, что поближе к дому). Ее привлекала эта профессия обилием книг, чтением которых можно наслаждаться прямо на работе и относительной удаленностью от агрессивного социума.

Бытие бюджетника в те времена (как и в любые другие) нельзя было назвать сладостным. Убогая зарплата, тесная обшарпанная комната, заношенная одежда... Но... ей было плевать на нищету. Главное – свобода, которая пьянила. Угрюмые детдомовские педагоги-надзиратели, с их тотальным контролем остались в прошлом. Предоставленная только себе, она была вольна поступать так, как считала нужным.

А что же среда, остальные? В народе говорят: «Обжегшись на молоке – дуют на воду». Так и Таисия, натерпевшись от сверстников в детстве, инстинктивно сторонилась зрелого общества взрослых. Годы, проведенные в полуизоляции, сказывались на характере. Ей было комфортнее одной. Она привыкла ожидать от людского окружения только

плохое, не могла представить, что может быть по-другому. Добро, человечность, дружба, любовь существовали для девушки только в книгах, которые юная библиотечка читала запоем.

Шли годы, девочка уже давно превратилась в девушку, в сердце которой зрели новые неведомые ранее древние желания, неодолимые и неизбежные, как смерть. Влечение к мужчинам (которых она не знала совершенно), стремление найти родного человека, жажда близости, любви... Она была открыта этому, жила в ожидании.

Да, некрасивые затюканные дамочки тоже хотят простого женского бытия: семьи, детей... и порой у них это получается, но чаще этих бедняг просто используют.

Так случилось и с Таей. То, что казалось первой любовью, единственной, на всю жизнь, на деле вылилось в банальное грязное соитие, а рано утром «рыцарь на белом коне» исчез навсегда.

Она не опускала рук, много раз пыталась найти свое счастье, но всякий раз безуспешно, вновь и вновь наступала на те же грабли. Однажды, казалось, она встретила того, единственного... но, прожив вместе всего четыре дня, избранник, пряча глаза, признался, что не сможет быть с ней. На вопрос: «почему?», он не нашел, что ответить. Так закончилось едва начавшееся чувство.

Это была ее последняя попытка найти спутника жизни.

После того случая, она словно увяла, потеряла молодость, надежду...

Мужчин будто отталкивало что-то от нее. Не внешность, нет, то, что находилось глубже внутри девичьего естества, нечто неправильное, аномальное... Порой Таисии казалось, что на ней какое-то злое проклятие, венец безбрачия (что уж тут... пожалуй, такой «венец» на доброй четверти российских женщин).

Случай помог понять причину ее невезения. Однажды, в каком-то телевизионном ток-шоу молодая женщина увидела глухого мальчика, который научился говорить. Не слыша себя, несчастный произносил слова так, как ему казалось правильным. Отвратительный монотонный квакающий голос. Очень неприятно. Публика вздохнула с облегчением, когда он наконец-то умолк.

«Так и со мной», – вдруг осенило девушку. – «Этот парень с рождения не слышал ни звука, он не знает, как правильно говорить. Я в жизни не видела ничего хорошего от других, поэтому понятия не имею, как правильно общаться, любить... Потому он и ушел от меня. Все просто».

Это было страшным откровением, которое в корне изменило ее личность. Прекратив бесплодные попытки стать частью социума, она отстранилась, замкнулась в себе.

Одиночество... Только по-настоящему одинокий человек поймет, насколько это страшно. Одна, в неприветливом враждебном мире. Иногда, в холодные бессонные ночи ей

хотелось выть от тоски, рвать на себе волосы... За что?! Почему ей досталась такая злая доля? Порой женщина всерьез была готова проклясть собственную судьбу и... кого-то повыше, но всякий раз что-то сдерживало ее. Сквозь непроглядный злой мрак она все еще видела слабый лучик надежды.

Человек привыкает ко всему. Шли годы, десятилетия... Таисия Ивановна давно смирилась со своим положением, эмоции поутихли, она жила, словно во сне. Но года два назад, словно впервые открыла глаза, взглянув на себя со стороны, увидев, во что превращается.

Ее спас случай.

Как-то, возвращаясь вечером домой, она услышала рядом тоненький жалобный «мяв». Котенок. Крохотный пушистый шарик сиротливо замер на тротуаре, неподалеку от мусорки. Внутри что-то екнуло, и все ее естество переполнила нерас-trаченная женская потребность в заботе, копившаяся годами: «Крохотулька... брошенный... как я».

Она аккуратно взяла малыша на руки: «Боже, а тощий-то какой... изголодался бедняга».

Дома накормила найденыша, отогрела... имя питомцу придумалось сразу – Мявик.

С этого дня она уже не была одинока. Ласковое животное стало полноценным членом ее маленькой семьи. Говорят, кошки лечат. Быть может так и есть. Заведя маленького дру-

га, она разом забыла про хандру, депрессии. Всю свою нежность Тая дарила зверьку, и он отвечал взаимностью. Вечера, так пугавшие ее раньше, стали любимым временем суток, когда блаженно расслабившись в кресле, она одной рукой гладила тихо мурлыкающего котенка, свернувшегося у нее на коленях, а другой держала книгу, в которую поглядывала лишь изредка.

Вот он, крохотный кусочек счастья, отпущенный женщине скупой судьбой. Да она уже и не просила большего.

Шло время, и вот ее «малыш» уже превратился в холеного годовалого котяру, которому вдруг стало тесно на десятке квадратных метров. Форточка в ее комнате была открыта в любое время суток и года, и Мявик использовал ее, как лазейку во внешний мир. Целыми днями ее пушистик пропадал на улице, обживаясь, знакомясь с сородичами, защищая территорию, участвуя в традиционных мартовских концертах, а к вечеру обязательно возвращался домой, к любимой хозяйке.

Казалось, жизнь налаживается. Но месяц назад что-то изменилось. Взвнявшее откуда-то давящее ощущение безысходности росло с каждой неделей, распирало изнутри. Чувствуя себя ходячей бомбой, готовой взорваться в любой момент, она понимала – так дальше продолжаться не может, что-то должно произойти.

И вот случилось...

«Ну и прогулочка», – Борис вяло сплюнул в сторону. Ноги заплетались, ужасно хотелось пить. Небольшая группка потерявшихся людей уныло двигалась вдоль улицы.

– Привал! – Грасс словно услышал мысли невролога. – Отдыхаем, ребятки.

С облегчением опустившись на выступ тротуарного бордюра, Саюкин бросил взгляд по сторонам.

Тут все было чужим, неправильным, даже время, казалось, изменило свою размерность. Здравый смысл подсказывал, что с момента их высадки из маршрутного такси прошло часа три, не больше, но усталое, налитое свинцом тело, затуманенный мозг, говорили о другом – наверняка уже глубокий вечер.

Вновь молчание и топот девяти пар ног.

– Ну и тоска, – выдохнула Ольга. – Когда же это кончится? Ксюша не железная, к марш-броскам не привычна.

– Вот попадалово! – желчно выдавил Саюкин, со злостью пнув колючий камушек на асфальте. – Складывается впечатление, что нас ведут куда-то, заманивают...

Ни слова в ответ, только тихое сопение и шарканье многочисленных подошв. В голове у каждого только мысль о привале.

– Посмотрите, – сочный баритон Васькина вывел всех из полуступора, – вон, здание Сбербанка, оно же... живое вроде... в смысле – не обманка, настоящее, так мне кажется. И свет изнутри...

Не стовариваясь, путники ускорили шаг. Тридцать секунд, и перед ними стеклянные двери банка.

Семен Петрович рванул ручку на себя:

– Закрыто, мать твою... Эй, здоровяк, твой выход.

Не заставляя себя уговаривать, Антон с разбега врезался плечом в стекло и... отскочил, постанывая от боли.

Грасс скривился:

– Ну что ж ты... как дитя малое? Голова тебе на что? Обезьяны, и те используют подручные средства.

Немой Павлик подобрал с тротуара увесистую каменюку (лежавшую тут, как по заказу) и с силой швырнул груз в препятствие.

Хрустальный звон, и тысячи крохотных осколков стекла сверкают под ногами. Проход свободен.

– Вот молодец пацан, – крикнул офицер, – Вроде доходяга, а как засандалил... Ну что, войдем?

Изнутри офис казался настоящим.

– Я часто бывал в этом отделении. Вроде бы все по-прежнему, вплоть до мелочей, – Мельков сунул банковскую карту в банкомат. – Не работает, даже табло не светится.

– Да все мы тут бывали, – буркнула Ольга. – А банкоматы – не проблема, уверена, деньги нам тут не помогут. Вот,

если бы... – уставившись в угол помещения, она вдруг задохнулась от восторга. – Кулер!!! Боженьки! Надеюсь, это не муляж.

В полном молчании вся компания скопом бросились к питьевому аппарату.

– Не напирать! Всем хватит, – рявкнул Семен Петрович. – Сначала девочка.

Опорожня уже четвертый стаканчик, доктор все не мог напиться. Вода! Мелочь, пустяк... без которого жизнь невозможна.

Офицер оказался прав – воды оказалось предостаточно. В двадцатилитровой бутылки оставалось еще не менее двух третей благословенной влаги. На пару дней хватит.

Утолив жажду, люди в изнеможении попадали на кресла, не в силах двинуться дальше.

– Хоть убейте, – выдохнул Аркадий Константинович, – но я не встану, не мальчик уже. Уверен, всем нужен отдых. Предлагаю заночевать прямо тут. Банкетов и кресел хватит на всех. Не царские ложа, конечно, но спать можно. Что скажете?

– Профессор прав, – неожиданно подала голос зеленоглазая молодка. – Все на пределе.

– М-да, – Васькин блаженно прищурился, – Вот что замечательно. Утром, в нашем мире было довольно прохладно, а в этих местах... комфортно, безветренно. Будто кто-то специально создал тепличные условия для пленников.

– Вот-вот, – гоготнул профессор. – Похоже, гипотеза нашего уважаемого доктора о высшем разуме, изучающем группу жалких людишек, имеет право на жизнь.

– А что? Может так оно и есть? – с вызовом бросил студент. – Смотрите, даже воду для нас приготовили... и лежаки... Правда, в животе урчит. Вот пожрать бы еще и на боковую.

Борис ободряюще похлопал студента по плечу:

– Ты еще тайских массажисток закажи, сибарит. А что до питания... еда – не вода. Без пищи, если есть питье, даже худенький человек может выдержать несколько месяцев, как врач говорю. Иной раз поголодать даже полезно. Хотя... не хотелось бы так долго. Надеюсь, утром найдем чего-нибудь. Если тут бывает утро...

– Должны найти, – сонно промурлыкала Ольша. – Помните, в нашем городе дальше по улице был супермаркет. Хочется верить, что он и тут будет... всамделишным.

– Да, – вставил студент, – совсем рядом, метров триста. Но... сил нет... может завтра?

Семен Петрович подошел к выключателю:

– Ладно, если даже молодежь выдохлась, тогда отбой. Все улеглись? Гашу свет.

Блаженное отдохновение. Натруженные мышцы гудят (И с чего они так устали? Прошли-то не более километра). Борис смыкает веки, и вдруг слышит сдавленный шепот:

– Доктор, не спишь? – это полковник. Его банкетка рядом, мужчины лежат голова к голове.

– Нет еще. Что случилось?

– Да ничего особенного. Так, поговорить надо. Ситуация серьезная, обсудить бы.

– Слушаю.

Грасс поерзал на неудобном лежаке:

– Непокойно мне, эскулап. Отряд у нас непростой... совсем непростой, к каждому свой подход. С солдатами проще, понятнее. А эти... неизвестно, чего ждать от них.

– Тут тебе не армия.

– Да на гражданке все сложнее.

– Понимаю. Если нужна помощь...

– Я как раз об этом, – голос офицера стал чуть доверительнее. – Из всей компании ты мне кажешься наиболее адекватным, надежным. Надеюсь, на тебя можно положиться?

– Конечно. Спасибо. А чего конкретно ты опасаясь?

– Да мало ли... Положеньице у нас аховое, а единения нет, народец разрозненный, кто-то может сорваться. Вспомни, что сегодня с Ольгой произошло.

– Н-да...

– Гражданские... – Семен Петрович будто выплюнул это слово, – ты их знаешь лучше меня, однозначно. Так что... если почувствуешь чего – не медли, дай знать.

Борис поднялся на локте и бросил взгляд на собеседника:

– Если откровенно, я уже могу поделиться кое-чем. Ты

прав, наша группа совсем разношерстная, каждый из них – личность, непохожая на других. Кто-то открыт, как на ладони...

– Васькин, Мельков.

– Вот-вот. А кто-то – вещь в себе, не знаешь, чего выкинет через минуту. Непростая ситуация.

Грасс тихо кашлянул и выдохнул:

– Меня волнует одно – состав нашей группы ненормален, в жизни так не бывает.

– Ты о чем?

– Во-первых, серьезно больны двое из девяти, это многовато, более 20 процентов. Во-вторых, трое – ярко выраженные одиночки. Треть всего состава – это слишком много. Случайность? Нет уж, не верю. Теория вероятности опровергает подобное.

– Стоп, ты что-то напутал, – доктор понизил голос. – Одиночки? Почему трое?

– Ну как же: Паша Зотов, Лиза, ну и Ксения, разумеется.

Саюкин хмыкнул:

– А ты наблюдателен, командир. Правда, слегка ошибся в количестве. Таисию забыл.

– А ее-то ты с какой стати приплел?

– Поверь специалисту, – молодой человек уставился в слепое окно, – у этой дамочки явные признаки самоизоляции, серьезного ухода от общества. Уж не знаю, что произошло в ее жизни, но факт налицо. Посуди сам, любая другая жен-

щина ее возраста, попавшая в такой переплет, или трещала бы без умолку, или непрестанно причитала, или хотя бы старалась сблизиться с остальными, как Ольга, чтобы чувствовать себя под защитой. А эта молчит. Кстати, она единственная, кто лег спать сегодня не в общем холле, а в отдельном закутке, в секции кредитования, а это тоже признак. Хотя ты прав, из всей четверки одиночек Таисия Ивановна более перспективна, внутренне готова к общению.

Полковник досадливо крякнул:

– Ладно, пусть четверо. Но это же еще более странно, почти половина из группы. Сказанное тобой только подтверждает мои опасения.

– Ничего странного в этом нет, Семен Петрович.

– Ты шутишь?

– Ни в коем разе. В принципе ты был бы прав, если б говорил о населении небольшого городка, или деревни, где все открыты, знают друг друга. Там такой процент нелюдимых персон действительно был бы ненормальным. Но не забывай, мы живем в мегаполисе. Москвичи – самые одинокие люди в стране (а может – и на планете), замкнутые, с головой ушедшие в свои дела, равнодушные, безучастные. Да таких там почти половина, если не больше. Хочешь эксперимент? Возьми любую многоэтажку внутри МКАДа, и понаблюдай за одним единственным подъездом – сколько человек в нем хотя бы знакомы друг с другом, десятков, два? Остальные живут, как бирюки, словно в пустыне, не желая видеть соседей,

общаться с ними. Так что, друг мой, если брать нашу выборку из девяти человек, тут ты ошибся: она ничем не нарушает твою статистику, наоборот, адекватно отражает ее.

– М-да, печально.

Борис улыбнулся в полумраке:

– Это же очевидно. Как ты мог не видеть этого, полковой командир? Москвич, ёлы-палы... Ага, кажется понимаю – похоже ты дембельнулся совсем недавно.

– Вот именно. А насчет отчужденности, это ты меня огорчил. Не думал, что все так плохо.

– Увы, самоизоляция – бич цивилизации, она меняет саму структуру общества, ее приоритеты. И кто знает, чем это закончится?

Грасс озадаченно крикнул:

– Ладно, мы уклонились от темы. Я к чему подвожу-то: выходит, из всей нашей «подопытной» группы, кроме тебя я могу рассчитывать только на профессора и Ольгу.

– Да, надежные люди. Ну а Антон?

– Смеешься? Он, как дитя, шалопай. Мозги есть, конечно, но дурень дурнем, ветер в голове, – десантник сдавленно зевнул. – Ладно, хорошо поговорили, а теперь спать давай.

Антоше не спалось. Близость юного сексуального девичьего тела, что покоилось на соседней лежанке, будоражила кровь, рождая неконтролируемый гормональный прилив. Вдохнув тончайший запах дорогого парфюма, исходящий

от очаровательной соседки, шумно выдохнув, он решился:

– Лиза.

Тишина.

– Лиза.

– Чего тебе?

– Не спишь?

– Тупее вопроса не слышала.

Васькин осекся, он не знал, как подступиться к этой колючке. Говорят, в таких ситуациях стихи помогают, но из одурманенной тестостероном памяти, как назло вылетели все вирши. Что делать? Коль начал – отступать поздно.

Он прошептал:

– Лиза, а у тебя парень есть?

– Отвали.

«А что я теряю? За спрос не убьют», – ошалев от собственной дерзости, Антон выпалил:

– А ты могла бы полюбить такого... как я?

Девчонка презрительно хмыкнула:

– Вот еще. Ты же натуральный слабак.

– Чего?!

– Да не в том смысле... На вид-то ты самый здоровый, любого мог бы уработать, а вот морально...

Антоша вскинулся:

– А морально-то чего не так?

– Того... Этот солдафон вертит тобой, как хочет, а ты и рад стараться. Приятно быть шестеркой, Ромео? Нет, мне

нужна не тряпка, а настоящий мужик, защитник.

Юноша замер. Он умел читать между строк. «Это намек, первый шаг. Она не против, если...».

Изнутри вдруг поперло что-то животное, воинственное, доминантное. Голос захрипел, как у простуженного:

– А если я... докажу... стану главным?

– Треп все это. Не сможешь.

Из горла вырвался рык:

– Смогу!

Собеседница вдруг повернула лицо к нему, ее глаза блеснули в темноте зеленым, как у волчицы. Долгий молчаливый изучающий взгляд. Затем она поднялась мягко, по-кошачьи и присела рядом. Холодная узкая ладошка легко коснулась небритой щеки молодого человека. Показное равнодушие ушло прочь, сейчас изумрудный взгляд девы светился интересом, обещанием:

– Вот тогда и посмотрим.

Немая пауза, и женский шепот:

– Ну, что застыл? Губу закатай и спать.

По земным меркам глубоко за полночь. Все давно в объятиях Морфея, только Аркадий Константинович тупо гипнотизирует высокий белый потолок. Бессонница – неизменная спутница старости. Если удастся задремать часика на три – и то хорошо.

Из головы не выходит навязчивая мысль: как они попа-

ли сюда, что это за место, кто он, тот таинственный кукловод, что затеял все это? Иной мир, а возможно – и иной разум. Вот он, шанс проявить себя, коснуться неизведанного, той тайны, о которой не подозревал ни один ученый мира. Хочется погрузиться в размышления о проблеме, о перспективах ее решения, но вместо этого утомленный мозг почему-то посещают расслабляющие мысли о прошлом, о прожитой жизни.

С самого детства в бытии Аркашки Мелькова все было радужно: зажиточная образованная семья (интеллигенты в шестом поколении), большой дом, крепкое здоровье. Он еще не успел родиться, а судьба будущего малютки уже была предрешена его заботливыми и влиятельными родичами: все схвачено, обо всем договорено заранее. Жизнь простиралась перед ним прямой зеленой дорожкой: обучение в образцовом лицее, престижнейший университет, аспирантура, блестящая защита кандидатской, затем – докторской, должность декана, успешные выборы в депутаты городской Думы. Перед молодым перспективным политиком были распахнуты двери в лучшие дома города.

Чего еще желать?

Семьи.

Женился он не по любви, с подачи родителей (как и все, что делал в своей жизни), на «правильной» девушке из нужного общества. Удивительно, но вскоре он смог убедить се-

бя, что действительно любит супругу той тихой спокойной любовью, которая способна пережить десятилетия (так и вышло, как оказалось впоследствии).

Спустя полтора года с Мельковым младшим произошло нечто жизнеопределяющее, он будто проснулся от сладкого сна. Случилось это мгновенно (он даже помнит тот час – празднование юбилея своего отца). Молодой человек вдруг понял: тот лощеный щеголь с пресыщенным взглядом, что отражается в зеркале – это не он, а всего лишь открытка, витраж, искусственный золотой мальчик, каким хотели его видеть родные. А где же он сам, Аркадий, тот, каким его задумала мать-природа (или Господь)? Его нет...

Это был тихий незаметный бунт. Он разом отказался от родительской протекции, советов, финансовой поддержки, престижной должности, доставшейся по благу, от депутатского портфеля, и начал строить себя заново. Игнорируя предостережения родителей, без сожалений расставался с внешней бриллиантовой шелухой, избавлялся от нее, как змея от старой ненужной кожи. Это было совсем нелегко, но ему хватило воли, таланта, трудолюбия. В конце концов, многолетние усилия принесли результат – Аркадий Константинович стал тем, кем сам желал быть – педагогом в вузе, и, как оказалось, очень неплохим педагогом.

Будучи далеко не глупым, биолог давно разочаровался в современной науке, открыв для себя, что чем глубже погру-

жаешься в ее дебри, тем отчетливее понимаешь, что, несмотря на великие достижения и мировой прогресс, человечество не знает практически ничего о сути бытия, как на космическом уровне, так и на биологическом. А каждую непознанную тайну ученые трусливо прикрывают вымученными, внешне стройными гипотезами, на деле не выдерживающими никакой критики. Так создается иллюзия познанности Вселенной и ее законов. Ученые... букашки, мнящие себя венцом творения.

Да и кому сейчас вершить великие открытия? Профессура старой закалки давно вымерла, на их место пришли молодые пронырливые дельцы от науки, главная цель которых не познание, а нажива. Под бредовые завиральные идеи эти ловкачи выигрывают миллионные гранты, кладут деньги в карман и... ничего не делают, лишь занимаются отписками и отчетами по якобы успешно выполняемым целям. Чистейшей воды хищение госсредств. И так – по всей стране. А чего бояться, проверять-то результаты работ некому, нет такой инстанции.

Пустая профанация.

Иногда он спрашивал себя: «а чего ты достиг, чем можешь гордиться?». Ответ всегда был один – дочь, Ленка.

Мельков тихо вздохнул, повернулся на бок, и снова погрузился в сладкие воспоминания.

Ленуська, мышка, его единственное чадо, умница, красавица, жемчужина их семьи.

Она была поздним ребенком. Жена зачала с помощью ЭКО⁶, выносила и родила в сорок с небольшим.

С рождения девочка унаследовала неслабый интеллект отца, но, в отличие от родителя, Творец также одарил ее стальной волей, благодаря которой она всегда добивалась желаемого, была заводилой, лидером в любой компании.

Возмужав, Лена выбрала иную жизненную стезю. Закончив с медалью школу, она поступила в МГУ на факультет журналистики.

Девушка всегда планировала свою жизнь, делала все загодя, умела наводить контакты, обладала даром нравиться другим. Папаша не удивился, когда узнал, что, получив «красный» диплом, дочь тут же приняла запрос из Берлина на специализацию, с подписанным контрактом, гарантирующим работу в Евросоюзе.

У нее все получилось. Всего два года работы выездным репортером в горячих точках, и, как результат – Пулитцеровская премия за ошеломляющую статью о торговле человеческими органами в одной из стран Северной Африки. Еще через шесть месяцев – брачный союз с немцем, коллегой по работе, вид на жительство, гражданство.

Леночка была в восторге, вот только они, ее родители... Аркадий Константинович не мог предположить, что так бу-

⁶ ЭКО – экстракорпоральное оплодотворение (от лат. extra – сверх, вне и лат. corpus – тело, то есть оплодотворение вне тела, сокр. ЭКО) – вспомогательная репродуктивная технология, чаще всего используемая в случае бесплодия. Синонимы: «оплодотворение в пробирке» (прим. автора).

дет скучать по дочери. Когда девушка покинула дом, оба супруга словно осиротели, потеряли часть себя. Да, так и было. Иногда она звонила. Он слушал ее звонкий родной голос, доносившийся из трубки, и понимал, что в эти секунды по-настоящему счастлив.

Порой накатывала депрессия, он поддавался слабости, хотелось, чтобы Ленка все бросила и вернулась к ним, домой. Отец мысленно материл себя последними словами, понимая, что ставит свое личное, свой эгоизм выше интересов дочери.

Боже, как это тяжело, быть брошенным родителем.

Возможно, они так и прозябали бы в серой тоске, но пару месяцев назад случилось чудо: дочь оформила документы на их переезд в Германию. Вот это был сюрприз! И понеслось: визы, загранпаспорта, и прочая дребедень. В хлопотах время летит незаметно. Не успели оглянуться, а через три дня – вылет.

Всю последнюю суетливую неделю жаждающего встречи отца не отпускало восхитительное чемоданное нестроение. Минуты тянулись, как часы, часы – как сутки.

Вчера был последний день его работы на прежнем месте. Друг, обещавший подкинуть его до университета на своем авто, почему-то опаздывал, его телефон не отвечал. Эх, если бы он знал тогда, взял бы такси, однозначно. Так нет, дернул же бес прокатиться на той злосчастной маршрутке.

Да, строя планы, дразнишь Провидение.

Случаются же такие завихрения в жизни. Нет, он не пе-

нял на судьбу (что стоит его жалкая жизнь по сравнению с высшей Истиной?), почувствовав вдруг – вот он, тот шанс, о котором мечтает любой ученый, быть может, это приключение – то предназначение, миссия, ради которой он создан, возможность разгадать нечто сокровенное, немислимое... коснуться тени дыхания Создателя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.